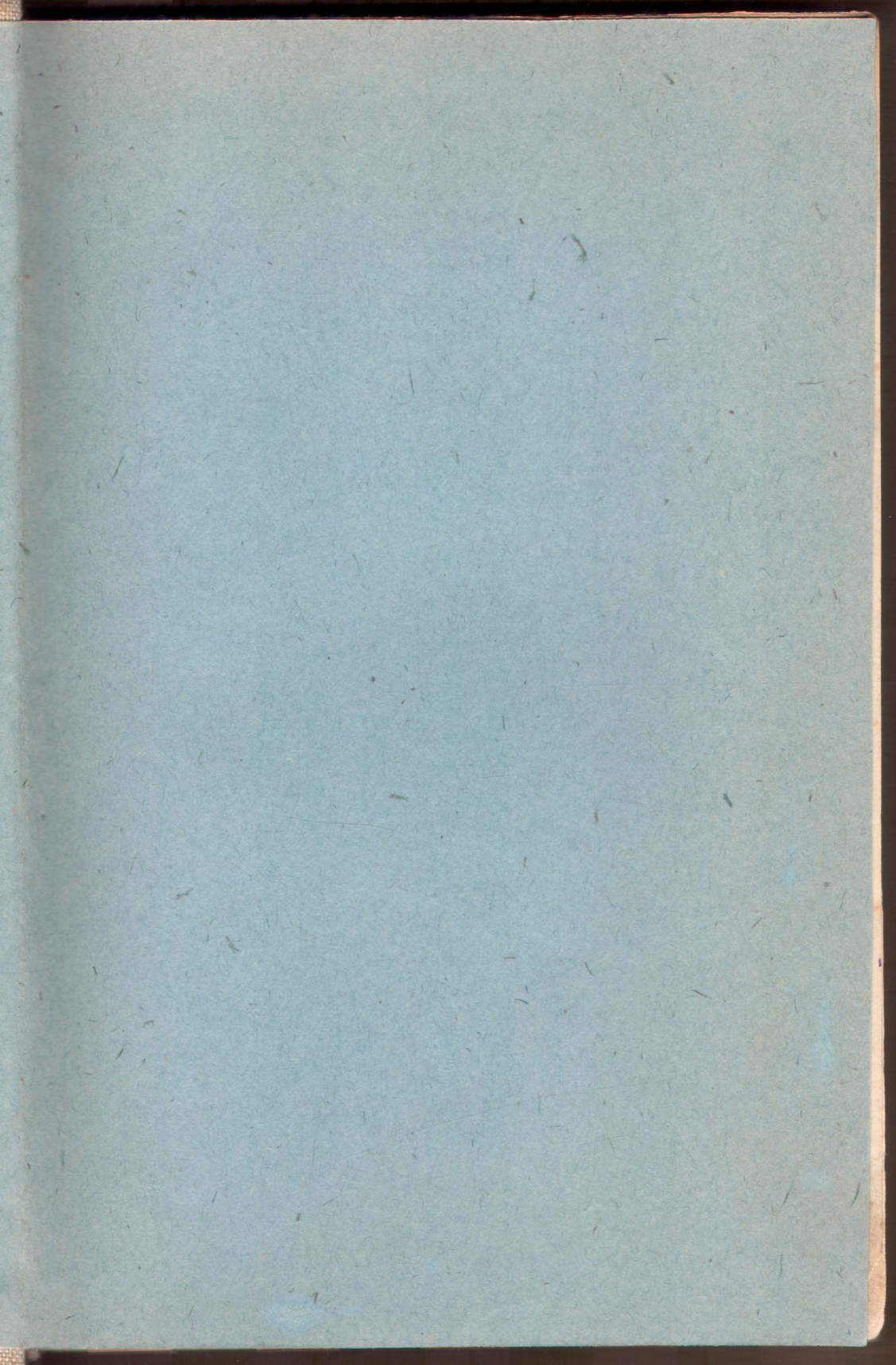

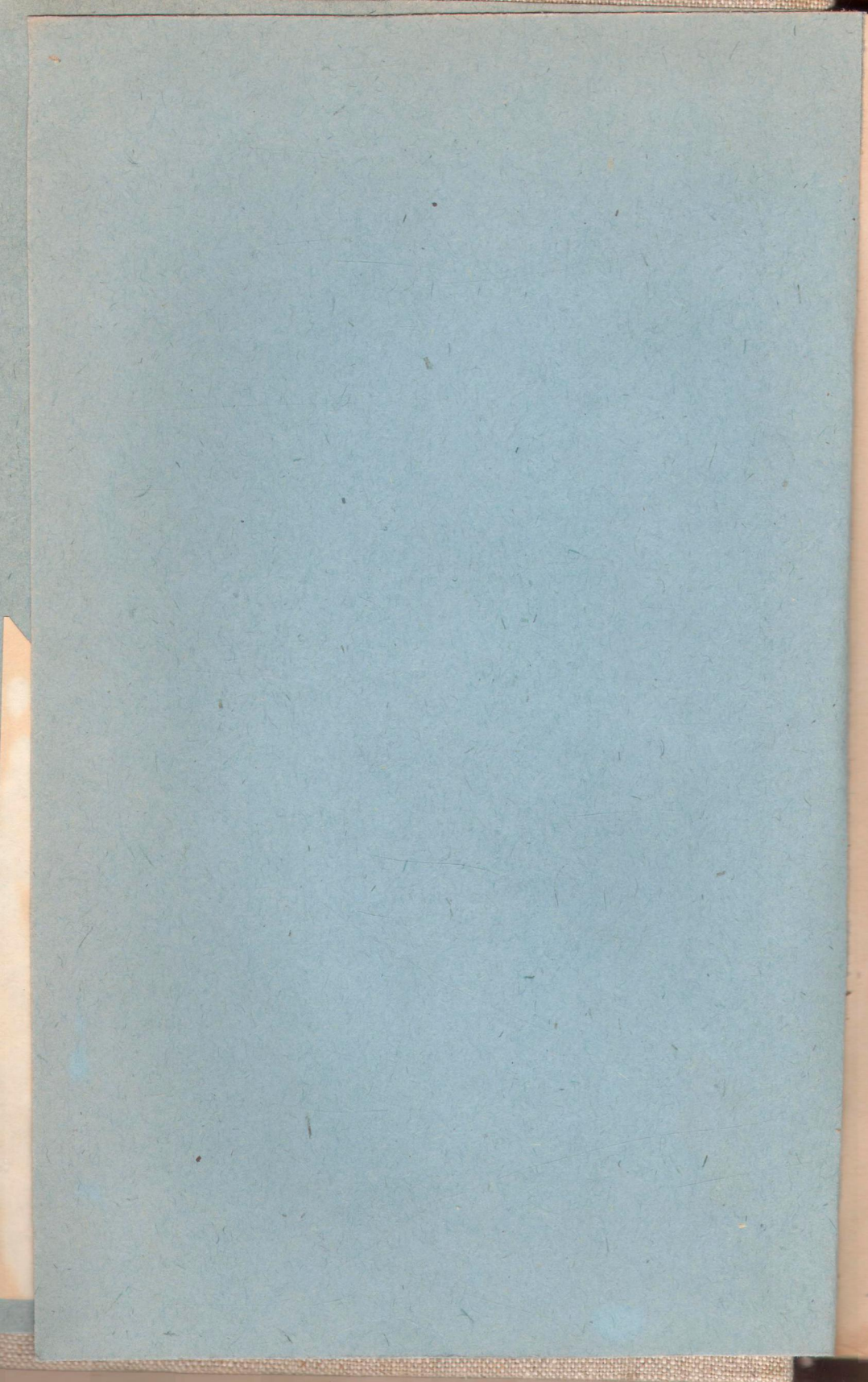
PK-2
K-15123 1845
170033

PK 2
K-151

170033

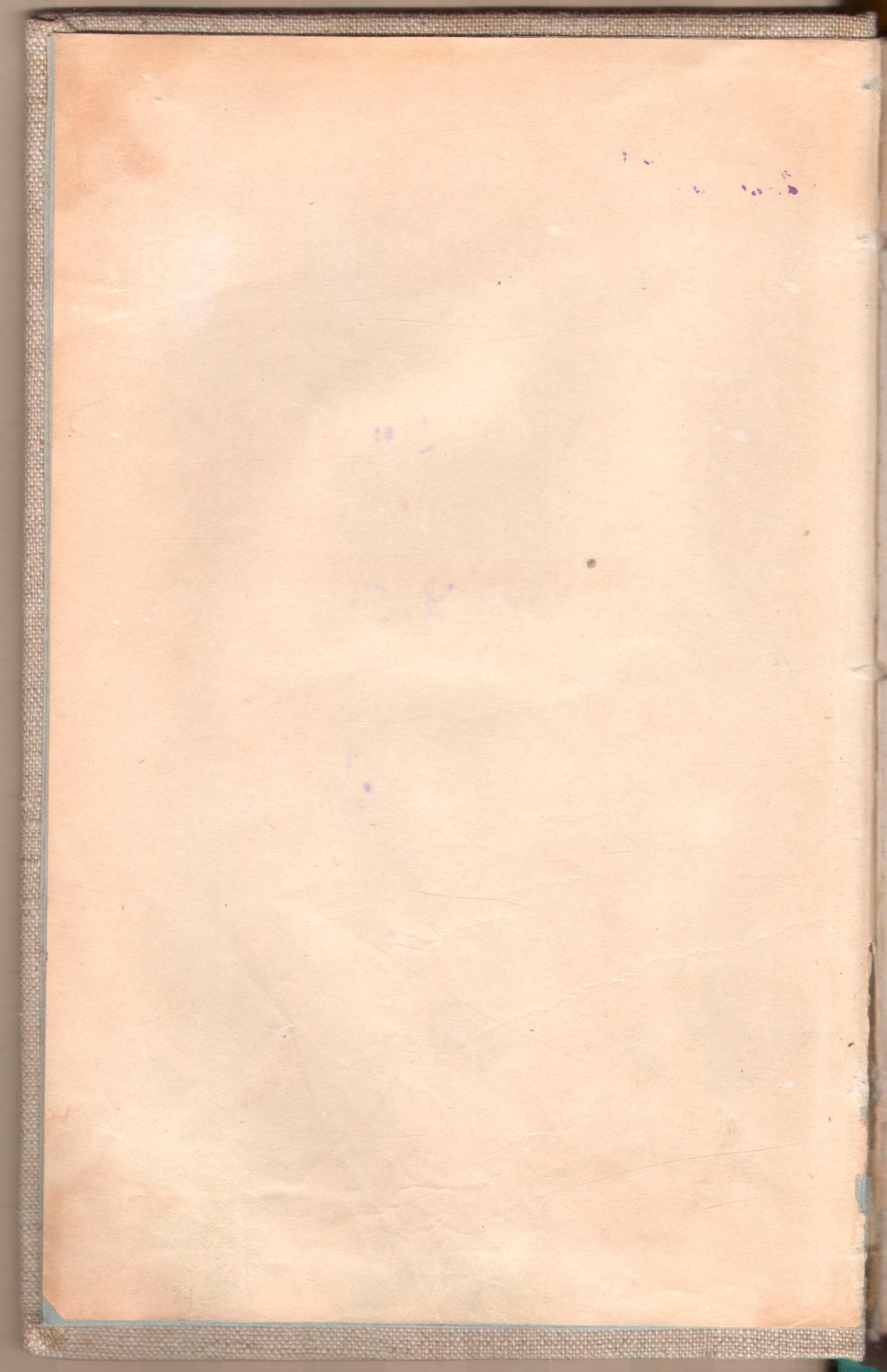

1934

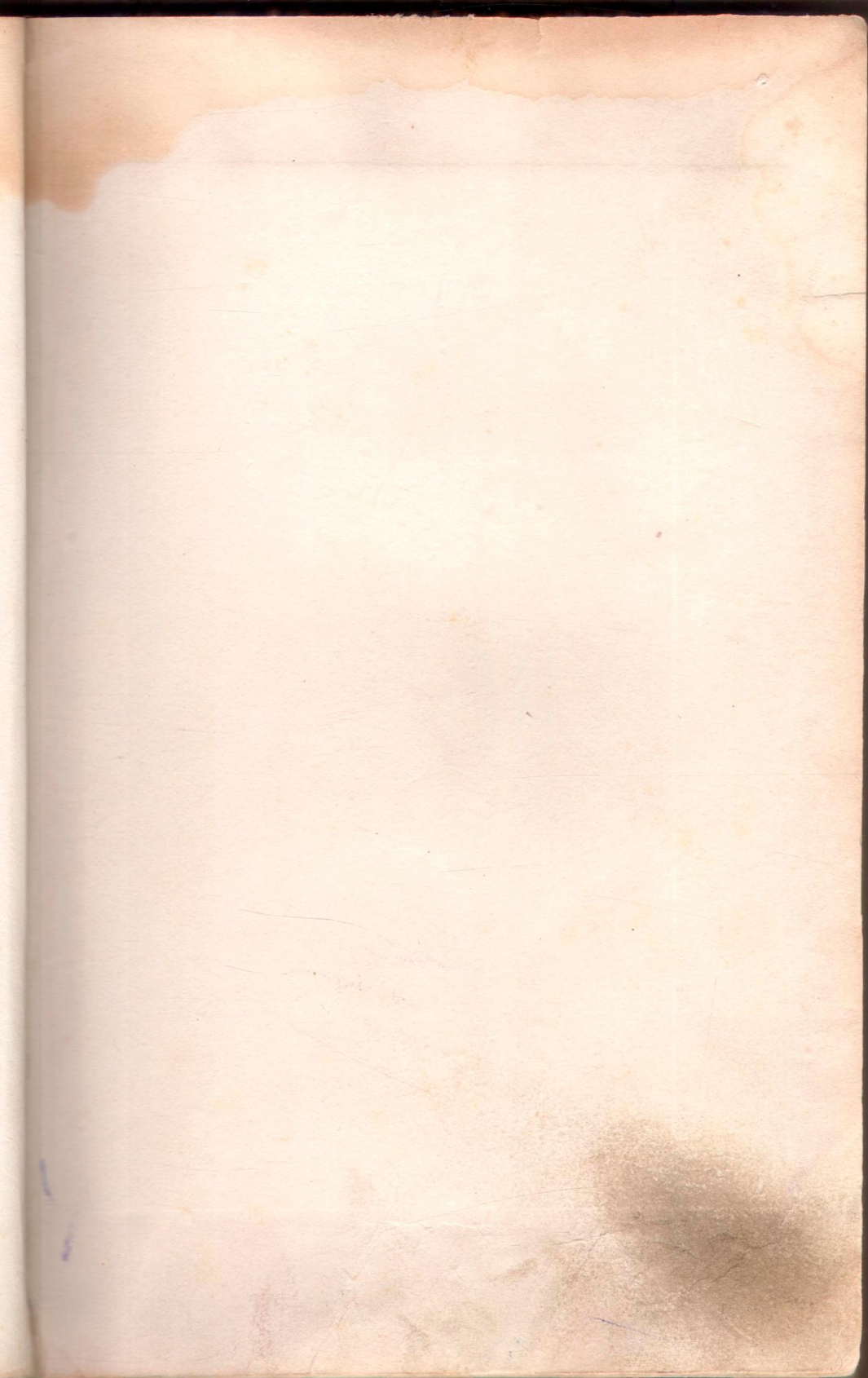
Часть 2.3.

7 лет 2.

МОЛОДИКЪ.

МОЧЕДИР

M.B.

портретна картина М. Туманова.

портрет М. Туманова со звезды

Рубин

1865
233

МОЛОДИКЪ

178 $\frac{2}{11}$

НА 1844 ГОДЪ,

34337

УКРАИНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

Издаваемый Н. Бенкманъ.

7. III

(Въ пользу Харьковскаго дѣтскаго приюта).

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1 8 4 5.

59

02

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Інв. № 170033

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ, С. Петер-
бургъ, 10 Сентября 1842.

Ценсоръ А. Очкинъ.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

Ценсоръ А. Никитенко.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

Напечатано издѣвѣніемъ Его Сіятельства, Харьков-
скаго Губернскаго Предводителя, Князя Василя Пет-
ровича Голицына.

І.

НАУКИ И МАТЕРІАЛЫ.

III

MAISON MATHIEU

ОСНОВАНІЕ
ХАРЬКОВСКАГО КОЛЛЕГІУМА,
НЫНѢШНЕЙ
ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРІИ.

Харьковскій Коллегіумъ, подъ именемъ Славено-латинскихъ школъ, основанъ 1726 года въ городъ Харьковъ Преосвященнымъ Епископомъ Бѣлоградскимъ Епифаніемъ при пособіи Генераль-Фельдмаршала Князя Михайла Михайловича Голицына, бывшаго въ то время главнокомандующимъ на Украинѣ, и имѣвшаго пребываніе въ Харьковѣ. Преосвященный Епифаній купилъ для сего училища каменный большой двухэтажный домъ съ довольно обширнымъ дворовымъ мѣстомъ у Полковника Лаврентія Шидловскаго за 500 рублей, (*) и присоединилъ къ оному приходскую каменную о двухъ престолахъ Покровскую церковь, учредилъ монастырь, и наименовалъ оный Харьковскимъ училищнымъ покровскимъ, что указомъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода 1799 года и утверждено. Ревностный патріотъ и любитель наукъ Генераль-Фельдмаршалъ Голицынъ купилъ села: Пѣсочки, Руба-

(*) Сіе видно изъ копій крѣпости, имѣющейся въ крѣпостной книгѣ въ Коллегіумской библиотекѣ.

новку, Замосскій куть и другія съ хуторами и угодьями, и отдалъ Коллегіуму на содержаніе учителей и учениковъ. Въ отчинахъ сихъ было 5 деревень и 4 хутора, въ коихъ находилось крестьянъ 650 душъ, пахатной, сѣнокосной и лѣсной земли 3076 десятинъ, мельничныхъ колъ 51, винокуренныхъ заводовъ три, кромѣ садовъ, рыбныхъ ловель и другихъ заведеній (*). Покровительствуя сіе училище, онъ далъ предписаніе военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, подлинникомъ хранящееся въ библіотекѣ коллегіума, нижеслѣдующее:|

«По указу Ея Императорскаго Величества Самодержицы «Всероссійской и прочая, и прочая, и прочая. Азъ учрежденный Ея Императорскаго Величества надъ войски «Генераль-Фельдмаршалъ и Кавалеръ ордена Святаго «Апостола Андрея и Лейбъ-Гвардіи полку Семеновскаго «Полковникъ Князь Михаилъ Голицынъ симъ объявляю: «которые маестности подлежащія до Харьковскаго Коллегіума состоятъ въ полку Харьковскомъ, тѣхъ маестностей «обывателемъ обидъ и налогъ, ктобъ какого званія ни «былъ, не показывать; и сверхъ опредѣленнаго по указомъ «Ея Императорскаго Величества безденежно ничего не брать «вышнимъ подъ опасеніемъ воинскаго суда, а нижнимъ «наказанія на тѣхъ по силъ преступленія, того ради во «вѣрность сего подписую рукою своею съ приложеніемъ «печати.

Князь Голицынъ.

Москва,

Марта 19 дня 1730 года.

(*) Вотчины сіи отобраны, какъ монастырскія, въ 1787 году.

На содержаніе учителей и учениковъ Коллегіума, кромѣ доходовъ съ вотчинъ, дарованныхъ Княземъ Голицынымъ, получаема была изъ монастырей 20-я, да изъ приходскихъ церквей 30-я часть доходовъ, которой суммы восходило въ годъ болѣе 1000 руб. Сверхъ сего Преосвященный Епифаній купилъ разнаго рода недвижимое имѣніе и утвердилъ оное за училищнымъ монастыремъ. По указу Святѣйшаго Синода въ тоже время собираемые Богодуховскаго уѣзда въ селѣ Каплуновкѣ при Чудотворной иконѣ Богородицы съ молебныхъ доходы, поступавшіе съ 1722 года на Бѣлоградскія училища, обращены на содержаніе Харьковскаго Коллегіума, коихъ ежегодный сборъ простирался до 600 рублей.

1731 года Преосвященный Епифаній на утвержденіе въ Харьковъ заведенныхъ славено-латинскихъ школъ исходатайствовалъ именную Высочайшую, писанную на пергаментѣ за собственноручнымъ подписаніемъ Императрицы Анны Иоанновны грамоту, которая нынѣ въ библіотекѣ коллегіумской въ подлинникѣ хранится:

Божію поспѣшествующею милостію, мы Анна Императрица и Самодержица Всероссійская Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Исковская, и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, и иныхъ; Государыня и Великая Княгиня Новгорода, Низовскія земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлозерская, Удорская, Обдорская, Кандинская, и вся сѣверныя страны повелительница; и Государыня Иверскія зем-

ли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ наследная Государыня и обладательница Наше Императорское Величество чрезъ сіе объявляемъ; понеже дяди Нашъ Петръ Великій Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій какое особливое попеченіе о размноженіи училищъ и школъ, какъ духовныхъ для прославленія имени Божія и защищенія Россійскія церкви, такъ и для свѣтскихъ разныхъ наукъ, о томъ всѣмъ извѣстно и собственно въ регламентъ духовномъ выданномъ въ 1721 году объявлено, чтобъ каждой Архіерей въ своихъ Епархіяхъ имѣлъ школы и семинаріи, о чемъ также и другими указами подтверждено было; а нынѣ Нашему Императорскому Величеству Богомолецъ нашъ Преосвященный Епифаній Епископъ Бѣлоградскій и Обоинскій всеподданнѣйше билъ челомъ, что онъ Преосвященный Епископъ построилъ въ своей Епархіи въ городѣ Харьковѣ въ надеждѣ лучшаго Священства и къ защищенію Россійскія церкви училищной Покровской монастырь и въ немъ Славено-греко-латинскія школы каменные, и учредилъ игумена такогожъ надъ школами и учителями Ректоромъ для лучшаго управленія и смотрѣнія, какъ учителей, такъ и учениковъ, да еще Префекта и учителей, а имянно всѣхъ семь человекъ, отъ чего де не токмо Священству, но и отечеству Россійскому по милости Божіей не малой плодъ происходитъ; и чтобъ на подкрѣпленіе тѣхъ школъ и свободнаго въ нихъ ученія, дабы и впредь были отъ его сукцессоровъ содержаны не нарушимо, дать нашу жалованную грамоту. И мы Всепресвѣтлѣйшая, Самодержавнѣйшая Великая Государыня Анна Іоановна Наше

Императорское Величество, слушавъ онаго Богомольца нашего Преосвященнаго Епифанія Епископа Бѣлоградскаго и Оболенскаго челобитья, и усмотря его Архіерейское въ томъ особливое попеченіе и тщаніе, ревнуя вышеупомянутому дяди нашего Петра Великаго намѣренію и опредѣленію Всемилостивѣйше пожаловали, указами тому Харьковскому монастырю и въ немъ славено-греко-латинскимъ школамъ Игумену и Ректору, такожъ учителямъ быть вѣчно и ненарушимо, и оной содержать по нашимъ Императорскимъ указамъ и по духовному регламенту не претѣнно, а въ томъ монастырѣ Игумену и Ректору и всѣмъ учителямъ довольствоваться тѣми доходами, чемъ они нынѣ по разсмотрѣнію Епифанія Епископа Бѣлоградскаго, яко перваго строителя того монастыря и училища, удовольствованы; а учить всякаго народа и званія дѣтей православныхъ не токмо Пѣитикъ, Риторикъ, но и Философіи, и Богословіи, Славено-греческимъ и Латинскимъ языкамъ; такожде стараться, чтобы такіа науки вводить на собственномъ Россійскомъ языкъ, и преподавать ученія со усерднымъ тщаніемъ, ревностію и радвіемъ, отнюдь не отлучаясь ни въ чемъ святыя восточныя Церкви исповѣданія; а неспокойныхъ и вражды творящихъ учителей и учениковъ унимать и смирять, и ни до какого своевольтва не допускать. Чего ради сего Нашего Императорскаго Величества жалованною грамотою тотъ Харьковскій училищный Покровскій монастырь и въ немъ школы и въ нихъ свободное ученіе утверждаемъ; и при томъ повелѣваемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ какъ военнымъ, такъ и штатскимъ и всякаго званія и чина людямъ тому училищному монастырю и въ немъ Ректору, учителямъ и ученикамъ въ школахъ

обрѣтающимся, также внѣ монастыри живущимъ подданнымъ и слугамъ монастырскимъ отнюдь обидъ и утѣсненія никакого не чинить: а ежели кто тому монастырю, также Ректору, учителямъ школьнымъ и внѣ монастыря и въ школахъ обрѣтающимся нынѣ и впредь будущимъ, учнетъ чинить какія обиды или стѣсненія, въ томъ защищать и по нашимъ правамъ и указамъ оборонять; и для вѣщаго утвержденія реченному богомольцу нашему Преосвященному Епифанію Епископу Бѣлоградскому и Обоянскому и по немъ будущимъ сію нашу Императорскаго Величества жалованную грамоту за подписаніемъ нашихъ Монаршескія руки и печатью Государственного утвердить повелѣли. Дана въ Москвѣ Марта 16 дня 1731 года, государствованія нашего втораго года.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Анна.

Скрѣпилъ Графъ Головкинъ.

Печать на красномъ воску въ серебрянномъ позлащенномъ кругломъ футлярѣ съ изображеніемъ на немъ всероссійскаго герба.

Въ слѣдствіе сей высочайшей грамоты въ 1734 году открытъ Богословскій классъ, и училище начало именоваться Харьковскимъ Коллегіумомъ, а потомъ въ 1740 годахъ Тихориціанскою (по имени основателя Преосвященнаго Епифанія Тихорскаго) и просто Харьковскою Академією. Что явствуется изъ училищныхъ актовъ и консисторскихъ указовъ 1742 и 1745 годовъ за бывшихъ Преосвя-

щенныхъ Митрополитовъ Бѣлоградскихъ Петра и Антонія. Указами изъ Святѣйшаго Синода 1742 и 1744 года велѣно всѣхъ учителей и учениковъ Бѣлоградской, Курской и Старооскольской Семинаріи собрать въ Харьковскій Коллегіумъ, такъ же отъ дома Ахтырскаго всѣ вотчины и недвижимыя имѣнія, данныя Коллегіуму Преосвященнымъ Епифаніемъ, возвратить сему училищу. Сими указами подтвержденъ вновь вышеупомянутый сборъ на Коллегіумъ доходовъ съ церквей, Монастырей и отъ Каплуновской Иконы. Но сіи сборы, исключая доходовъ отъ Каплуновской иконы, 1765 года по указу Государыни Императрицы Екатерины II отмѣнены, а вмѣсто ихъ отпущать повелѣно на коллегіумъ изъ Коллегіи экономіи въ годъ по 816 рублей и 39³/₄ копѣйки.

1765 года въ данной Губернатору Слободско—Украинской губерніи Инструкціи собственною рукою Государыни Императрицы Екатерины II-й написана двадцатая статья тако:» Къ преподаваемымъ нынѣ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ наукамъ прибавить классы французскаго и нѣмецкаго языковъ, Математики, Географіи и Рисованія, а особливо Инженерства, Артилеріи и Геодезій, на что и сумма до трехъ тысячъ рублей изъ неокладныхъ доходовъ опредѣляется, и у кого тотъ Коллегіумъ въ вѣдомствѣ состоитъ, съ тѣмъ губернской канцеляріи, о лучшемъ возстановленіи и распространеніи наукъ учиня сношеніе, употребить общее стараніе.» Но съ 1768 года сіи новоприбавленные классы остались въ вѣдѣніи Губернскаго Правленія; а нынѣ бывъ преобразованы въ Гимназію, зависятъ отъ Императорскаго Харьковского Университета.

1770 года стараніемъ Преосвященнаго Епископа Самуи-
ла Миславскаго состроенъ каменный обѣ одномъ этажѣ
большой корпусъ для помѣщенія бursы, на счетъ дохо-
довъ отъ Каплуновской Иконы и другихъ испрошенныхъ
суммъ.

1774 года присланы въ Коллегіумъ отъ бывшаго тогда
при Вѣнскомъ дворѣ Россійско — Императорскаго пол-
номочнаго Министра Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника
и Кавалера Дмитрія Михайловича Голицына въ память,
родителя своего перваго основателя Коллегіума 8-мъ брон-
зовыхъ фамильныхъ медалей съ изображеніемъ на латин-
скомъ языкѣ на 1-й и 2-й Князя Михаила Голицына, на
3. Князя Алексѣя Голицына.

на 4. Князя Іоанна Трубецкаго.

— 5. Княгини Ирины Трубецкой.

— 6. Княгини Татіаны Голицыной.

— 7. Княгини Анастасіи Трубецкой.

1780 года доходы съ Каплуновской церкви поступили
въ вѣдомство казенное, а по новымъ штатамъ на Епар-
хиальное Бѣлоградское училище определено по 2000 руб.,
кои всѣ получались на Харьковскій Коллегіумъ за исклю-
ченіемъ нѣкоторой только части на Бѣлгородскія училища,
въ коихъ тогда находились два только грамматическіе
класса.

1787 года Государыня Императрица Екатерина II, во
время путешествія своего изъ полуденнаго края чрезъ
Харьковъ, Всемилостивѣйше пожаловала на Коллегіумъ еди-
новременно 1000 рублей.

1793 года Преосвященный Епископъ Курскій Оеоктистъ
исходатайствовалъ у Святѣйшаго Правительствующаго Св-

нода 1152 руб. 86¼ коп., на которую сумму перекрыты оба Коллегіумскіе корпусы, перестроены учительскія келіи и прочія ветхости починены.

1792 года Князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, полномочный Министръ при Вѣнскомъ Дворѣ, опредѣлилъ завѣщаніемъ своимъ внести на вѣчныя времена Московскаго воспитательнаго дома въ сохранную казну 10,000 рублей съ тѣмъ, чтобы проценты изъ онаго капитала обращались въ пользу Коллегіума, которая сумма и внесена въ Московскій опекунскій совѣтъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ, и копія съ свидетельства, даннаго отъ оной сохранной казны, препровождена въ Коллегіумъ при слѣдующемъ объявленіи:

Губернскаго города Харькова въ заведенный въ ономъ въ 1727 году Коллегіумъ.

Отъ Оберъ-Камергера Дѣйствительнаго Тайнаго Советника и Ордена Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго и бѣлаго Орла Кавалера Князя Александра Князя Михайлова сына Голицына,

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

Съ какимъ расположеніемъ братъ мой двоюродной Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Дѣйствительный Камергеръ, бывшій при Римскомъ Императорскомъ Дворѣ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ, и Орденовъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Свят. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1-й степени и Св. Анны Кавалеръ, покойный Князь Димитрій Михайловичъ

Голицынъ оставилъ въ пользу онаго Коллегіума 10,000 р., какъ и на какомъ основаніи мною внесены оныя Императорскаго воспитательнаго дома въ московскій опекунскій совѣтъ, и по скольку ежегодно имѣеть быть выдаваемо въ пользу сего училища процентовъ, о томъ изъ приложенной при семъ копіи съ свидетельства, даннаго мнѣ отъ сохранный онаго казны, усмотрѣть изволите (*). Но какъ я, будучи учрежденъ отъ покойнаго брата моего душеприкащикомъ, то долгомъ себѣ поставлю просить г. главныхъ начальниковъ Коллегіума, что бы они благоволили избирать учителей знающихъ, исправныхъ, усердныхъ, честныхъ, добронравныхъ и трезвыхъ, дабы определенная имъ ежегодная выдача чрезъ стараніе ихъ приносила обществу пользу.

Я удостовѣренъ, что оныя г. начальники, какъ нынѣшніе, такъ и впредь определяемые, рачительно исполнять будутъ, чтобъ все вышепрописанное въ точности исполняемо было.

Князь Александръ Голицынъ.

Москва 8 Августа 1794 года.

1795 года Князь Александръ Голицынъ препроводилъ въ Коллегіумъ 250 руб. при слѣдующемъ письмѣ на имя Г. Ректора и учителей:

(*) Оныя 10,000 внесены, какъ изъ упомянутаго свидетельства явствуетъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ на вѣчныя времена съ тѣмъ, чтобы, изъ получаемыхъ на оный капиталъ процентовъ 500 руб. выдаваемо было ежегодно въ жалованье учителю Философіи 200 руб., учителю Риторикѣ 200 руб. и учителю Синтаксиса 100 руб.

Государи мои!

На сей почтъ препроводилъ я въ Харьковскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія въ пользу учащихся въ Коллегіумъ 250 руб. при моемъ объявленіи, съ котораго у сего прилагаю копію (*). Съ нелицемѣрнымъ почтеніемъ и всеусерднымъ расположеніемъ пребываю и проч.

Князь А. Голицынъ.

Москва 1795 года

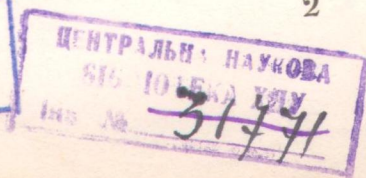
Декабря 25 дня.

Тогоже года Князь Александръ Голицынъ прислалъ въ Коллегіумъ портреты благотворителей сего училища, Князей дяди своего Михаила Михайловича и сына его Дмитрія Михайловича Голицыныхъ.

Съ 1798 года по случаю двойной прибавки на духовныя училища суммы, Коллегіумъ получалъ окладной суммы по 2000 руб. въ годъ.

(*) Въ семъ объявленіи значится, что онъ К. Голицынъ разсудилъ за благо сдѣлать пособіе въ содержаніи и обучающимся при Коллегіумѣ и въ домѣ онаго живущимъ сиротамъ: для того и отправилъ въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія 250 руб., прося оный Приказъ доставить оныя деньги въ Харьковскій Коллегіумъ для содержанія бѣдныхъ учениковъ, удостовѣря при томъ ихъ, что и впредъ ежегодно изъ оставленной покойнымъ братомъ его Княземъ Дмитріемъ Голицынымъ суммы имѣть онъ доставлять въ Августъ мѣсяцъ по 250 руб., и что сіе и покончинъ его исполняемо будетъ.

Часть III.

1799 года отъ благотворительной скрывавшей свое имя особы (*) препровождено къ Князю Александру Голицыну 5000 рублей для внесенія оныхъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ на вѣчныя времена съ тѣмъ, чтобы проценты съ оныхъ поступали въ пользу Коллегіума на содержаніе обучающихся въ ономъ сиротъ, кои деньги Его Сіятельствомъ по волю благотворительной оной особы того же 1799 года и внесены въ упомянутый Совѣтъ.

1801 года Его Сіятельство Князь Голицынъ внесъ въ сохраниую казну Московскаго Опекунскаго Совѣта 5000 руб. съ тѣмъ, чтобы проценты на оныя 250 вмѣсто при-
сылаемыхъ имъ ежегодно, поступаая на Коллегіумъ, употребляемы были на содержаніе сиротъ, какъ изъ духовнаго званія, такъ изъ дворянъ и разночинцовъ.

Того же года Его Сіятельство, отъ имени благотворительной особы, скрывавшей свое имя (Маріи Шереметьевой), внесъ еще 10,000 рублей въ Московскій Опекунскій Совѣтъ при слѣдующемъ письмѣ на имя Префекта Протоіерея Андрея Прокоповича и учителей:

Государи мои!

Будучи ревностнымъ послѣдователемъ предкамъ моимъ къ приведенію Коллегіума въ цвѣтущее состояніе, утѣшаюсь я душевно тому, что соревнующія особы мнѣ дѣлаютъ лестное довѣріе во благо Коллегіума. На сихъ дняхъ одна благотворительная и мнѣ извѣстная, однакожь отъ другихъ

(*) Сія благотворительная особа, какъ оказалось по смерти ея послѣдовавшей 1807 года, была вдова Лейбъ Гвардіи умершаго Капитана Петра Шереметьева супруга Маріи Петровна.

ния свое скрывающая особа, (кромѣ доставленныхъ 1799 года пяти тысячъ рублей, кои тогда же внесены въ Московскій Опекунскій Совѣтъ) доставила ко мнѣ при письмѣ своемъ Государственными ассигнаціями 10,000 рублей въ пользу обучающихся въ Харьковскомъ Коллегіумъ бѣдныхъ сиротъ, предоставляя мнѣ въ полную волю сдѣлать онымъ распределение по моему благоусмотрѣнію (*). Впрочемъ имѣю я васъ о нижеслѣдующемъ увѣдомить: въ минувшемъ 1795 году при отправленіи отъ меня въ Коллегіумъ портретовъ покойныхъ роднаго моего дяди Фельдмаршала Князя Михаила Михайловича и сына его, а моего брата Князя Димитрія Михайловича Голицыныхъ, требовали покойный отецъ Архимандритъ и Ректоръ Василій и Префектъ и Богословіи учитель честный отецъ Протоіерей Андрей письмомъ своимъ отъ 11 Февраля того же года, чтобъ я и свой собственной доставилъ. Я теперь на сіе согласуюсь, и имѣю оной портретъ отсюда въ Харьковъ отправить съ прибавленіемъ къ тому родословной книги

(*) Сіе распределение изображено въ слѣдующемъ письмѣ Его Сіятельства отъ 28 Маія 1801 года въ слѣдующихъ пунктахъ. Процентные 590 руб. на сія 10,000 руб. опредѣляю я употреблять ежегодно на нижеслѣдующее: 1.) Чтобы къ находящимся на полномъ содержаніи изъ получаемыхъ съ прежде внесенныхъ мною 10,000 рублей въ сохранную казну процентныхъ 500 прибавлено было еще 3 ученика, на которыхъ ежегодно отпускать 100 2.) Учителямъ Нѣмецкаго и Французскаго языковъ по 100, учителямъ Математики и Рисовальнаго искусства по 50 рублей 3.) на книги и Физическіе инструменты и другія пособія 50 руб. 4.) на больницу Коллегіумскую 50 рублей. О точномъ восполненіи вышепрописаннаго благоволите прилагать усердное стараніе.

Голицынской фамиліи (*) сверхъ того пришло три серебряныя медали покойнаго Князя Димитрія Михайловича съ ихъ описаніемъ, изъ которыхъ опредѣляю я представить одну Его Преосвященству, другую оставить въ Коллегіумъ, яко памятники, служащіе учащимъ и учащимся доказательствомъ о нашей любви, усердіи и доброжелательствѣ къ Коллегіуму. За тѣмъ съ истиннымъ почтеніемъ пребываю.

Князь Александръ Голицынъ.

Москва 1801 года.

Апрѣля 2.

1802 получено отъ Его Сіятельства на имя преосвященнаго Христофора Епископа Слободско-Украинскаго и Харьковскаго слѣдующее письмо:

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Государь мой и Архипастырь!

Долгомъ поставляю Ваше Преосвященство извѣстить, что какъ намѣреніе моихъ предковъ, а особливо покойнаго брата моего князя Димитрія Михайловича и неизвѣстной для Коллегіума благотворительной персоны, такъ и мое всегда было, чтобъ въ оной Харьковской Коллегіумъ не однихъ только духовнаго званія учениковъ принимать, но также и изъ бѣдныхъ дворянъ и разночинцовъ, ибо въ пользу духовнаго званія дѣтей довольно есть учрежден-

(*) Портретъ поставленъ въ Коллегіумской залѣ, и книга родословная и медаль съ описаніемъ ся хранятся въ Библіотекѣ.

ныхъ семинарій, для дворянъ же и разночинцовъ, которыхъ числомъ гораздо больше, нежели духовныхъ, подобныхъ училищъ недостаточно; чего для въ таковомъ смыслѣ Харьковская школа и называется Коллегіумомъ, а не семинаріею. Я осмѣливаюсь просить васъ, Преосвященнѣйшій Владыко! дабы въ Коллегіумъ принимались наравнѣ, какъ духовнаго чина ученики, такъ дворяне и разночинцы; ибо въ противномъ случаѣ необычаясь чисто-сердечно сказать могу, что я уже откажусь участіе въ пользу онаго больше принимать потому, что тогда довольно будетъ и одного вашего о его благѣ старательства.

Впрочемъ какъ и всегда пребуду съ чувствами истиннаго почтенія и нелицемѣрной преданности.

Вашего Преосвященства

Покорнѣйшимъ слугою

К. Александръ Голицынъ.

Москва 1802 года

Апрѣля 29 дня.

1804 года получены отъ Князя Александра Голицына бронзовые на мраморныхъ пьедесталахъ бюсты, представляющіе благотворителей Коллегіума Князей Михаила Михайловича и сына его Димитрія Михайловича Голицыныхъ, изваянные и препровожденные къ нему Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ Графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ, племянникомъ Князя Голицына по матери, при слѣдующемъ сообщеніи:

Отъ Оберъ Камергера Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Орденовъ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго и Бѣлаго Орла Кавалера, Импе-

раторскаго воспитательнаго дома почетнаго благотвори-
теля, Екатерининскаго въ Москвѣ Института Благород-
ныхъ Дѣвицъ старшаго Директора, Императорской и
Голицынской публичныхъ въ Москвѣ Больницъ Главнаго
Директора Князя Александра Княжъ Михайлова сына Го-
лицына,

ВЪ ХАРЬКОВСКІЙ КОЛЛЕГІУМЪ

С О О Б Щ Е Н І Е.

Получа отъ племянника моего Министра Коммерціи Дѣй-
ствительнаго Тайнаго Совѣтника и разныхъ орденовъ ка-
валера Графа Николая Петровича Румянцева отъ 27 Ген-
варя сего года письмо и при ономъ отъ усердія его изва-
янные два бронзовые бюста, изображающіе благотвори-
телей оному Коллегіуму, первой дѣда его, а моего дяди
Фельдмаршала Князя Михайла Михайловича, а другой
дядю его, а моего брата Князя Димитрія Михайловича
Голицыныхъ, препровождаю означенные бюсты, прилагая
при семъ въ оригиналъ письмо Графа Николая Петровича
Румянцева, прошу почтенный Коллегіумъ по содержанію
сего письма исполнить въ честь ему, къ сохраненію па-
мяти благотворителей и воодолженіе меня.

К. Александръ Голицынъ.

Москва 1804 г.

23 Февраля.

Милостивѣйшій Государь мой Князь

Александръ Михайловичъ!

Усладаясь тою мыслію, что дѣдъ мой Князь Михайло Михайловичъ на пользу Харьковскаго Училища, воспитавшаго столько полезныхъ отечеству людей, сдѣлалъ въ свое время не малыя пожертвованія, и по сравненіи тогдашней эпохи конечно не обыкновенныя, я изваялъ бронзовое изображеніе его, равно и сына его Князя Дмитрія Михайловича, также участвовавшаго въ пособіи училищу. Принадлежа по матери къ роду Князей Голицыныхъ, не по одному темному движенію крови, я тронулся честію сберечь образъ сихъ мужей; но привлеченъ къ тому былъ и тѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, котораго съ благомыслящими соотчичами нельзя не раздѣлять къ нимъ.

Я судилъ справедливейшимъ препроводить бюсты къ Вашему Сіятельству, въ лестномъ чаяніи, что вы исходатайствуете имъ пристойное мѣсто въ извѣстной залѣ Харьковскаго училища. Самъ по себѣ не смѣлъ я сего сдѣлать, а обратился къ Вашему Сіятельству въ томъ разумѣ, что вручаю ихъ старшему въ родѣ Князей Голицыныхъ, какъ такой особѣ, которая снискала по государству общее почтеніе и добродѣтелями и достоинствами извѣстными. Пріимите, Милостивый Государь мой, приносимую отъ меня дань свидѣтельствомъ какъ моеѣ приверженности къ толь знаменитому роду, такъ и особливой преданности къ вашему лицу.

Честъ имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ.

Вашего Сіятельства

Покорнѣйшій слуга

Графъ Николай Румянцевъ.

1806 года Князь Александр Голицынъ отъ вышеупомянутой неизвѣстной особы (Маріи Шереметьевой) въ Московскій Опекунскій Совѣтъ внесъ въ пользу Коллегіума 5000 рублей, предоставляя распоряженію Коллегіумскаго Правленія слѣдующіе на оныя проценты.

1807 года удвоена Коллегіумская окладная сумма, почему съ сего времени Коллегіумъ получалъ оной по 4000 въ годъ.

1811 года изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода при указѣ присланы въ Коллегіумъ пожертвованные Государственнымъ Канцлеромъ Графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ 100 серебрянныхъ медалей для раздачи при годичномъ испытаніи отличныхъ успѣхами и и благодѣіемъ ученикамъ Коллегіума, также и штемпель, и билетъ со внесеннаго Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ Санктпетербургскаго воспитательнаго дома въ опекунскій совѣтъ 2000 капитала, пожертвованнаго также Графомъ Румянцовымъ для выбитія ежегодно таковыхъ же медалей на предбудущее время. Въ семъ указѣ прописанъ Высочайшій Его Императорскаго Величества за собственноручнымъ подписаніемъ Указъ на имя Коммиссіи духовныхъ училищъ.

«Государственный Канцлеръ Графъ Румянцовъ изъ уваженія къ памяти покойнаго дяди своего, бывшаго въ Вѣнѣ полномочнымъ посломъ, Князя Дмитрія Голицына, между многими предметами благотворительности, особенное имѣвшаго попеченіе о Харьковскомъ Духовномъ Коллегіумѣ, принесъ просьбу о дозволеніи раздавать ежегодно во время публичныхъ испытаній пятерымъ отличнѣй-

шимъ воспитанникамъ Коллегіума при похвальномъ свидѣтельствѣ по одной серебрянной медали съ изображеніемъ Князя Голицына по образу той, каковая была выбита въ Вѣнѣ въ память его добродѣтелей и любви къ наукамъ. Графъ Румянцевъ представилъ сто таковыхъ медалей, а на будущее время вмѣстѣ съ симъ внести для приращенія двѣ тысячи рублей съ тѣмъ, чтобы изъ процентной суммы за исключеніемъ расходовъ на битіе ежегодно по пяти медалей остатки были употребляемы на покупку книгъ и другіе учебные предметы по усмотрѣнію начальства. Приема въ уваженіе подвигъ Графа Румянцева, и вкупѣ желая отдать справедливость усердію многихъ изъ фамиліи Князей Голицыныхъ при самомъ основаніи Харьковскаго Коллегіума и въ послѣдующія времена благотворившихъ сему учебному заведенію, Мы соизволяемъ на приведеніе въ дѣйствіе вышесказанныхъ предположеній. Комиссія духовныхъ училищъ не оставитъ учинить на основаніи сего надлежащихъ распоряженій.

1811 года Октября 20 дня.

1815 года Преосвященный Аполлосъ, Епископъ Харьковскій, исходатайствовалъ у Комиссіи духовныхъ училищъ 30,243 руб., на какую сумму починенъ корпусъ училищный и покрытъ желѣзомъ; а на другомъ Коллегіумскомъ домѣ, именуемомъ бурсою, надстроены второй этажъ съ церковію во имя Святаго Апостола Іоанна Богослова, и оный домъ также покрытъ желѣзомъ.

Того же года стараніемъ сего Преосвященнаго испрошено и отослано въ опекунскій совѣтъ Московскаго воспитательнаго дома 8,000 руб. на всегдашнее время, съ тѣмъ

чтобы проценты обращаемы были на духовныя уѣздныя училища.

1817 года при преобразованіи училищъ Кіевскаго Округа Журналомъ Коммисіи духовныхъ училищъ 15 и 30 Іюля опредѣлено: Харьковскому Коллегіуму въ память основателей и благотворителей его именоваться и впредь Харьковскимъ Коллегіумомъ, съ окладомъ опредѣленнымъ для Семинарій 3-го разряда.

Того же года учреждены при Коллегіумѣ уѣздное и приходское училища.

1819 года открыты училища уѣздныя и приходскія въ городахъ Ахтыркѣ и Купянскѣ, на устроеніе которыхъ употреблено изъ испрошенныхъ попечительностію Его Преосвященства Павла Епископа Слободско-Украинскаго и Харьковскаго до 8000 рублей.

1820 года по опредѣленію сего же Преосвященнаго отослано въ Московскій опекунскій совѣтъ 1000 руб. въ пользу уѣздныхъ училищъ.

1821 года по представленію сего же Преосвященнаго отослано въ Московскій опекунскій совѣтъ 1000 руб. въ пользу уѣздныхъ училищъ.

1821 года по представленію сего же Преосвященнаго отослано Коммисіею духовныхъ училищъ 124,131 руб. на устроеніе при Коллегіумскомъ жиломъ домѣ особаго корпуса для помѣщенія уѣзднаго и приходскаго училищъ и для квартиръ Профессорамъ и учителямъ, которая постройка того же года и начаѣа.

О БИБЛИОТЕКѢ КОЛЛЕГІУМСКОЙ.

Библиотека въ семь Коллегіумъ заведена стараніемъ Преосвященнаго Епископа Бѣлоградскаго Епифанія, въ которую отдалъ онъ много своихъ на Латинскомъ и Греческомъ языкѣ книгъ за собственноручнымъ подписаніемъ. Въ 1732 году умножилъ оную Преосвященный Архіепископъ Бѣлоградскій Досифей Любинскій какъ пожертвованіемъ не малаго числа собственныхъ своихъ книгъ, такъ особенно исхода тайствованіемъ именнаго Высочайшаго повелѣнія Государыни Императрицы Анны, по которому всѣ книги покойнаго Митрополита Рязанскаго, бывшаго экзарха Патріаршаго престола, Стефана Яворскаго, въ сію библиотеку отданы, какъ явствуется изъ надписей на тѣхъ книгахъ (*).

1761 года стараніемъ Преосвященнаго Епископа Іоасафа Миткевича устроены на каменныхъ монастырскихъ воротахъ камеры для помѣщенія Коллегіумской библиотеки.

Въ сію библиотеку жертвовали книгами въ значительномъ количествѣ Преосвященные Епископы Іоасафъ Миткевичъ и Самуилъ Миславскій, также Ректоры Коллегіума и другіе благотворители.

1807 года число книгъ значительно умножено присланными Княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ изъ Библиотеки Лейбъ Гвардіи Капитана Петра Шереметьева супруги Марьи Петровны по смерти ея въ силу завѣщанія.

(*) На каждой изъ сихъ книгъ написано: *Mandato Augustissimae Russorum imperatricis Annae, Hic liber applicatus est Bibliothecae Collegii Charcoviensis. Anno 1732.*

1813 года по завѣщанію Преосвященнаго Епископа Слободско-Украинскаго и Харьковскаго Христофора суммы по смерти его поступило въ библіотеку до 500 книгъ.

1817 года по завѣщанію покойнаго Епископа Харьковскаго Аполлоса Терешкевича поступило въ библіотеку до 300 книгъ.

Нынѣ въ сей библіотекѣ находится около 5000 томовъ книгъ на разныхъ восточныхъ и Европейскихъ языкахъ.

Достопримѣчательнѣйшія книги суть:

1.) *Biblia Polyglotta* на 6 восточныхъ языкахъ въ 6-ти томахъ. При ней Грамматики и Лексиконы оныхъ языковъ въ двухъ томахъ.

2.) Молитва Господня больше нежели на 100 языкахъ и Діалектахъ.

3.) *Bibliotheca Patrum* въ 27 томахъ.

4.) Своеручная лѣтопись Митрополита Димитрія Ростовскаго. Другихъ рукописей достопамятныхъ не имѣется, кромѣ разныхъ рукописныхъ на Латинскомъ языкѣ трактатовъ и Лекцій Богословскихъ, Философскихъ и Словесныхъ наукъ, по коимъ преподаваемо было ученіе съ основанія Коллегіума до изданія печатныхъ учебныхъ книгъ.

СПИСОКЪ

РЕКТОРОВЪ И ПРЕФЕКТОВЪ

Харьковскаго Коллегіума.

РЕКТОРЫ.

И Г У М Е Н Ы.

1. Платонъ Малиновскій изъ Префектовъ Московской Академіи съ 1726 по 1729 годъ, потомъ произведенъ Архимандритомъ въ Старохарьковскій монастырь; 1742. Хиротонисанъ во Епископа Крутицкаго; 1744 года переименованъ Архіепископомъ Маковскимъ; 1754 скончался въ Москвѣ.

2. Митрофанъ Слатвинскій съ 1730 по 1738 годъ; потомъ Московской Академіи Ректоръ; 1742. Хиротонисанъ Архіепископомъ Тверскимъ.

3. Варлаамъ Тищинскій съ 1739 по 1742 годъ; потомъ Архимандритъ Старохарьковскаго Преображенскаго монастыря, гдѣ и скончался.

А Р Х И М А Н Д Р И Т Ы.

4. Афанасій Топольскій съ 1742 по 1744. Со времени вступленія его въ должность Ректора учреждена Архимандрія въ Покровскомъ училищномъ монастырѣ, и сему

первому Архимандриту по Высочайшему указу велѣно по примѣру Ректоровъ въ Московской Академіи носить крестъ и мантию съ скрыжалями.

5. Гедеонъ Антонскій съ 1744 по 1753. Ему и пріемникамъ его по Высочайшему указу Государыни Императрицы Елисаветы велѣно носить панагію финифтяную съ брилліантами, которая изъ Троицкаго Сергіева монастыря препровождена въ Харьковскій училищный монастырь при указѣ изъ Святѣйшаго Синода 1744 г. Іюня 7 дня.

6. Радаилъ Мокренскій съ 1753 до 1758; потомъ Архимандритъ Святогорскаго монастыря, гдѣ и скончался.

7. Константинъ Бродскій изъ Префектовъ Московской Академіи съ 1758 по 1763 годъ, въ которомъ скончался.

8. Іовъ Базилевичъ съ 1763 по 1770; потомъ переведенъ въ Курской Знаменской монастырь, а оттуда хиротонисанъ въ Епископа въ Переяславль.

9. Лаврентій Кордетъ съ 1770 по 1775; потомъ переведенъ въ Курской Знаменской монастырь, гдѣ и скончался.

10. Варлаамъ Миславскій съ 1777 по 1779; потомъ переведенъ въ Кіевъ и 1784 года опредѣленъ Ректоромъ Кіевской Академіи.

11. Василій Базилевичъ съ 1779 по 1798 годъ, въ которомъ скончался и погребенъ въ Старохарьковскомъ монастырь.

12. Досифей съ 1799 по 1800 годъ, въ которомъ году за учрежденіемъ Слободско-Украинской Епархіи и за обращеніемъ Покровскаго монастыря въ Кафедральный Соборъ переведенъ изъ Полтавской Епархіи въ Лубенскій

монастырь, а оттуда въ Георгіевской Екатеринославской Епархіи, гдѣ и скончался.

13. Андрей Прокоповичъ Градскаго Собора Протоіерей и Ордена 2-й степени Св. Анны кавалеръ съ 1801 до нынѣ, съ 1794 Богословія учитель; а съ 1817 года Профессоръ Богословскихъ наукъ.

ПРЕФЕКТЫ.

І Е Р О М О Н А Х И.

1. Илларионъ Григоровичъ съ 1726, потомъ Архимандритъ Святогорскаго монастыря.

2. Митрофанъ Слатижскій 1730 годъ, потомъ Ректоръ.

3. Кирилъ Галичъ съ 1730 по 1736 годъ.

4. Іеромонахъ Аѳанасій Топольскій съ 1736 по 1742.

5. Гавріилъ Зарудинскій по 1742.

6. Амвросій Попель 1743.

7. Рафаилъ Мокренскій.

8. Епифаній Бѣлогородскій по 1751.

9. Іакинфъ Каршинскій.

10. Оеофанъ Федоровскій, потомъ Архимандритъ Святогорскаго монастыря, гдѣ и скончался.

11. Іовъ Базилевичъ; потомъ Ректоръ.

12. Лаврентій Кордетъ Ігуменъ, потомъ Ректоръ въ 1759.

13. Филаретъ Финевскій Ігуменъ.

14. Михаилъ Шванскій священникъ, а потомъ Протоіерей Успенскаго Харьковскаго Собора по 1790 годъ, въ которомъ скончался онъ; съ 1778 года преподавалъ Богословіе.

15. Іераксъ Емельяновъ, Іеромонахъ и Богословія учитель съ 1791 года по 1794.

16. Андрей Прокоповичъ Протоіерей съ 1794 по 1801 годъ;—потомъ Ректоръ.

17. Михаилъ Ольховскій 9 класса съ 1801 по 1810.

18. Павелъ Рейпольскій 12 класса съ 1810 по 1817.

И Н С П Е К Т О Р Ы.

19. Кафедральный Протоіерей Афанасій Могилевскій съ 1817 по 1819; потомъ Ординарный Профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета.

20. Матвѣй Борисовъ Магистръ и Профессоръ Философскихъ наукъ.

ВЗГЛЯДЪ

НА

УКРАИНСКУЮ СТАРИНУ.

Справедливо Московскій нашъ историкъ (*) историческимъ средоточіемъ нынѣшней великолѣпной Россіи почитаетъ Москву и Московское Княжество. Мы, живущіе ниже 53° градуса широты къ Черному морю, помнимъ еще по крайней мѣрѣ по разсказамъ нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, что прекрасныя долины между Дономъ и Днѣпромъ не были населены: что онѣ представляли то непроходимые лѣса и боры, то дикія поля, до которыхъ плугъ не касался — отъ вѣка-ли? — не знаемъ. Можетъ быть, онѣ и обрабатывались во времена Геродотовы; можетъ быть, однимъ изъ Славянскихъ племенъ! Но кто станетъ утверждать, чтобы оно носило имя *Русскаго*, чтобы тутъ *Россія* была? . .

Странно однакоже: какимъ образомъ столь огромное пространство, равняющееся пространству не одного королевства Европы, плоскость конечно тридцати квадратныхъ градусовъ всѣхъ возможныхъ условій къ гражданской жизни, не привлекали къ себѣ жителей въ продолженіе столь-

(*) Профессоръ М. П. Погодинъ.

кихъ столѣтій . . . Имъ предпочитали холодныя и сырыя топи, бесплодную глину на сѣверѣ, и тамъ основались города, учредились торжища, воздвиглись златоглавыя столицы! Изъяснить это можно: но какъ не удивиться съ перваго взгляду!

Порадуемся однакоже: мудрое наше Правительство обратило теперь прилежное вниманіе на сей край: это Правительство, которое—не по примѣру прочихъ странъ—всегда было просвѣщеніе своего народа, которое съ факеломъ въ рукѣ всегда идетъ впереди его и не ждетъ совѣта отъ *послушныхъ* своихъ дѣтей. Еще полстолѣтія, по самой большой мѣрѣ столѣтіе—и мы воздадимъ ему за его попеченія, какъ *добрыя дѣти умныхъ* родителей, благодарствіемъ нашимъ и славою предъ лицомъ народовъ. Тогда Историкъ будетъ сравнивать свое настоящее съ прошедшимъ, давно бывшимъ, сравнивать и восхищаться!

Но гдѣ уловить онъ это давно-прошедшее? Скоро отъ него не останется ниже слѣдовъ, подобно какъ отъ кочеванія ордъ на нашихъ земляхъ, или отъ земледѣльческаго быта племенъ, снабжавшихъ Грецію пшеницей изъ Понтикапія и Ольвіи за двѣ тысячи лѣтъ. Тщетно желалъ бы онъ спросить Архивы, ихъ нѣтъ; или они представятъ ему лишь судебныя дѣла, достойно-покрытыя вѣковою пылью. Тщетно обратится онъ къ старшему поколѣнію. Оно не можетъ ему ничего сказать: обычаи измѣняются, какъ измѣняются крои платья. Никто не обращалъ особеннаго вниманія на это измѣненіе.

Вотъ почему намъ, старикамъ, въ семидесятыхъ годахъ нашихъ, остатку еще самовидцевъ или собесѣдниковъ съ дѣдами своего времени, должно сохранить для потомства,

хотя нѣкоторыя черты бывшей Украйны. Благодаримъ нашего повѣствователя о старинѣ, Григорія Федоровича Квитку, передавшаго намъ изъ нея многое въ его Малороссійскихъ романахъ. Онъ живописно представляетъ намъ бывшее. Но романы будутъ подозрительны Историкамъ, потому самому, что они романы. Зная участіе, принимаемое въ нихъ воображеніемъ сочинителя, Историкъ вправе сомнѣваться и во всемъ.

Принужденіе къ уни и варварскія мщенія Польскаго Правительства за несогласіе и упорство православныхъ въ принятіи оной, заставили тронуться Червонную Русь на переселеніе въ обильныя и пустыя мѣста нынѣшнихъ губерній: Полтавской, Харьковской, Курской и Воронежской. Это было въ концѣ XVI вѣка. До того времени мѣста эти были занимаемы изрѣдка и то по временамъ Крымскими выселками, ближе къ нынѣшнему обычаю—хуторами. Татарскія имена нѣкоторыхъ рѣчекъ и городовъ, сохраненныя пришельцами, это доказываютъ. Конечно одинъ воинственный народъ, съ копьемъ и саблей въ рукахъ, могъ отважиться на такое переселеніе, подверженное частымъ внезапнымъ набѣгамъ. Я представляю себѣ въ началѣ малочисленныя поселенія, подъ защитою дремучаго лѣса или землянаго, на-скоро сдѣланнаго вала. Десятка три, четыре крытыхъ соломою хатъ, между озерами Лопани и Харькова, въ бору непроходимомъ, были, вѣроятно, началомъ города, располагающаго теперь торговлею полуденнаго края Россіи, сотнями милліоновъ рублей. Лопань текла ближе къ холодной горѣ. Перелетные лебеди покрывали её. Дикія козы скрывались въ тростникахъ ея отъ медвѣдей и волковъ. Я имѣю берцовую кость козы (*Gemse*), вырытую

при мнѣ на Екатеринославской улицѣ изъ очевидно — наносной земли. Татаринъ иногда подкрадывался съ «холодной горы» и увозилъ дѣвку, моющую бѣлье или разстилающую полотно: тревога и погоня! Не всякой разъ однакожь удавалось освободить добычу. Козакъ Игнатъ Свренко, увидѣвъ на другой сторонѣ рѣки Татарины, который увозилъ его жену, рѣшился пустить въ слѣдъ за нимъ пулю изъ своей «ручницы» (*). Но къ большому счастью жена живая свалилась на землю. Застрѣленъ былъ наповаль только похититель; а борзой конь достался козаку въ добычу

Не скоро показались начала земской собственности. Всякой, имѣющій плугъ, выбиралъ себѣ мѣсто для пашни по своему произволению: чѣмъ далѣе къ Востоку, тѣмъ поселеніе было рѣже. Малороссія уже раздѣлена на полки и сотни, когда объ Ахтыркѣ, Харьковѣ, Изюмѣ и слуху еще не было. При умноженіи народа, постепенно въ бѣльшемъ числѣ переходившаго Днѣпръ, начали и тутъ составляться полки по тому же образцу. Надобно было выбирать и старшинъ. Всего было естественнѣе признать ими Православныхъ пановъ, которые *впрямь ради* бѣжали вмѣстѣ съ народомъ «видѣ *Ляхивъ и Унѣи*». Такимъ образомъ Шидловскіе, Захаржевскіе, Квитки, которыхъ отдаленные сродники и нынѣ живутъ въ западныхъ, отъ Польши возвращенныхъ губерніяхъ, легче всего были избираемы Сотниками, изъ Сотниковъ Полковниками. — Впрочемъ, воинственные козаки мало заботились о фамиліяхъ.

(*) До введенія ружей стрѣляли порохомъ лишь изъ пушекъ, почему естественно было козакамъ первыя ружья назвать ручницами, то-есть: то, что въ рукахъ можно держать.

Они назывались просто *по именамъ*, съ прибавленіемъ званія: Полковникъ Иванъ, Полковникъ Кондратъ (Кондратій), Сотникъ Павелъ: подобно, какъ до нынѣ Турки (Рифанъ Паша, Хозреєвъ Паша, Даудъ Ага и т. д.). И вотъ происхожденіе Кондратьевыхъ, Павловыхъ, съ которыми не должно смѣшивать чисто Россійскихъ фамилій, прибывшихъ гораздо позже. Воображеніе представляетъ мнѣ этихъ старшинъ въ разноцвѣтныхъ «жупанахъ», разъѣзжающихъ по обширнымъ степямъ, въ намѣреніи вознаградить потерянные въ червонной Руси имѣнія. Они первые должны были затѣять исключительную недвижимую собственность въ семъ дикомъ краю. И вѣроятно, такая собственность началась «съ пасѣкъ», мѣстъ посѣченныхъ въ лѣсахъ для постановки пчелиныхъ ульевъ,—«*оцежъ, панове, моя пасика буде нехай!*» сказалъ Полковникъ. Въ слѣдующую осень двинуты были и плуга на смѣжное поле; заведены и хутора для скота и лошадей. Годъ за годъ! кто бы подумалъ препятствовать или оспаривать? Мало по малу меньшіе подражали старшимъ; начались *владѣнія*. Отводы Россійскаго Правительства т. е. *Разряда*, подъ веденіе котораго поступили Слободскіе полки, начались не ранѣе тысяча шесть сотъ сороковыхъ годовъ. Я не находилъ ни въ одной изъ Московскихъ Архивъ никакихъ слѣдовъ грамотъ или указовъ на таковыя отводы въ Царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

Занявъ обширныя поля съ дремучими лѣсами всякаго рода, и оградивъ ихъ въ послушномъ, довольномъ и беззаботномъ народѣ урочищами, старшины начали утверждать ихъ за собою испрошеніемъ Царскихъ Грамотъ. Едва ли не первый примѣръ тому подаль Ахтырскій Полков-

никъ Перекрестовъ, тонкій политикъ, не измѣнившій своему происхожденію. Онъ-же, испросивъ грамоту на чинъ Полковника сыну послѣ своей смерти, первый открылъ путь жалованія въ чины, которые до того получались единственно по избранію козаковъ и старшины. Со временемъ, полки: Сумской, Ахтырской, Харьковской, Изюмской и Острогжской, слѣдовательно и ихъ Полковниковъ, подчинили Бригадирамъ. Ѳедоръ Шидловскій былъ первымъ начальникомъ всѣхъ Слободскихъ полковъ. Онъ былъ и полновластнымъ раздавателемъ незанятыхъ до того земель: чему есть примѣры въ видѣ грамотъ, подобныхъ Малороссійскимъ Гетьманскимъ. Въ послѣдствіи начали присылать Бригадировъ изъ арміи. Эти и другіе изъ внутренней Россіи присылаемые чиновники женились на богатыхъ наследникахъ края. Переселенцы, устремившіеся изъ за Днѣпра во множествѣ, не находя уже мѣстъ въ козацкихъ сотняхъ, начали водворяться на старшинскихъ земляхъ съ условіемъ работать по одному дню панщины въ недѣлю: т. е. обрабатывать «панскіе» ланы (*) и послуховаты въ иныхъ дѣлахъ. Поселяне этого вида назывались *подданными*. Слово не новое: ибо и всякій козакъ имѣлъ своихъ подданныхъ, покрайней мѣрѣ двухъ, если не болѣе, обрабатывавшихъ пашню его, въ отсутствіе его самаго по службѣ: безъ сего онъ, козакъ, не получая ни пайковъ, ни мундира, ни жалованья, не могъ-бы существовать. Нечувствительно одинъ день превратился въ два. Высочайшимъ Указомъ, гораздо уже позднѣе, для единообразія съ внутреннею Россіею, постановлено три дня помѣщичьей

(*) Отведенныя на сей конецъ господскія пашни: Нѣмецкое Land.

работы въ недѣлю: т. е. половина времени по давнишнему обычаю *Половиковъ* Сѣверныхъ губерній, доставляющихъ владѣльцу земли половину, работою или ея произведеніемъ, добровольно, безъ всякой для себя тягости. И это условіе, вмѣсто платы деньгами за наемъ земли, кажется ближайшимъ къ природѣ.

Такимъ образомъ начали развиваться между бѣглецами отъ Польскаго угнѣтенія, заселившими пустыни, подчиненіе, собственность и гражданственность. Писавши на изустъ послѣ пожара, который истребилъ большую часть моихъ бумагъ, многотрудно собранныхъ въ теченіе 55 лѣтъ, не могу я хронологически опредѣлить постепенности вліянія Россійскаго Правительства на Украину. Но это вліяніе прибивало въ большихъ мѣрахъ на Слободскіе полки, нежели на Малороссію. Города наши *прежде* заселились Великороссіянами (преимущественно торговыми людьми); школы *прежде* ввели Русскій языкъ. Главная квартира войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Турокъ, переходила по ближайшему направленію изъ Бѣлгорода, первоначальнаго притона Правительства въ семь краѣ, въ Харьковъ, потомъ на короткое время занявъ Полтаву, въ Кременчугъ, Елисаветградъ и далѣе.... Малороссія оставалась въ сторонѣ, все еще управляемая своими Гетьманами и Магдебургскимъ правомъ, между тѣмъ, какъ Слободскіе полки, въ самомъ началѣ уже подчиненные Шереметьевымъ, Голицынымъ, не знали другаго Гражданскаго Закона, какъ только *Уложеніе*. Ландмилиція Елисаветы предъуготовила еще рѣшительнѣйшее славленіе съ исполнскимъ тѣломъ Цѣлаго. Россіяне внутреннихъ Губерній, всякаго званія и состоянія, чрезъ браки, торговлю и другія общежительскія

связи, перемѣшались съ Украинцами, пришельцами изъ за-Днѣпра, до того, что языкъ и обычаи, принесенные сими послѣдними, много измѣнились. Торговли было очень мало; промышленности еще менѣе. За половину уже XVIII вѣка путешествовавшій Академикъ Зуевъ видѣлъ въ Линцахъ на рынкѣ вмѣсто *продажи* произведеній, *мѣну* ихъ, какъ у полудикихъ народовъ.

О прочемъ стародавнемъ бытѣ Украинцевъ нельзя себя составить понятія, смотря на настоящій. «Нужда есть мать изобрѣтеній» старая пословица! *Тогда* не было еще *нужды*!.. Изобиліе плодовъ земныхъ и время мирныхъ всеобщее, продолжительное! Козакъ, высѣвая на дѣвственной черноземѣ *одинъ* мѣшокъ, собиралъ *сто* въ точное оправданіе Библейскаго выраженія (*). Садовнины изъ заведенныхъ небрежно садовъ некуда было дѣвать въ иной годъ! На моей уже памяти, промышленники, пріѣзжающіе изъ Москвы, нанимая садъ въ *два, три десятины*, со склянковыми и путивльскими яблоками, дулями и гливами, которые плоды они въ строгомъ историческомъ смыслѣ—*подметали* изъ подъ деревьевъ *метлами*, платили не болѣе тридцати, сорока рублей, выручая, можетъ быть, тысячу. Я видѣлъ безграмотныхъ кущовъ, торговавшихъ въ переносныхъ лавочкахъ, которые, *послѣ*, составивъ себѣ милліоны, выстроили цѣлые гостинные дворы. Чтожъ прежде за *сто лѣтъ*, или болѣе, когда «четверть» ржаной муки продавалась на базарахъ *полковаго города*,

(*) Не одинъ подобный примѣръ цитировалъ мнѣ, еще юношѣ, сто-
дцатилѣтній одноворецъ Масалитиновъ.—

гдѣ слѣдовательно *все* дороже, по 70 копѣекъ мѣдью, а овса четверть по 25 копѣекъ (*):

Работы, и то нетрудной, подѣ очаровательнымъ небомъ, было *конечно* не болѣе трети дней года, и то для мужчинъ уже возрастныхъ. Женщины и взрослые дѣвицы лишь въ жатву помогали, или трудились однѣ при уборѣ своихъ коноплей и льну. Остальное время было наполняемо посѣщеніями подѣ самымъ ничтожнымъ предлогомъ, свадьбами, кои нерѣдко продолжались по двѣ недѣли, крестинами и другими пирами, не включая «вечерницъ и досвѣтковъ» для молодыхъ людей обоего пола. Молодцы, съ закрученными усиками, *червоныя* шапки на бекрень, дѣвки разряженные въ наместа (**) и ленты, обутыя въ цвѣтные «черевички», съ лицами живо изображающими довольство и счастье, встрѣчались на каждомъ шагу. Были, *не безъ того* (какъ говорится), злоупотребленія власти! Но *когда* и *гдѣ* ихъ не бываетъ? Онѣ же рѣдко падаютъ на большинство народа. Люди вольные, изъ добра-ума, подчиняли себя сами. Любопытные документы сего рода — наилучшее доказательство благосостоянія и образа мыслей вмѣстѣ, попадались мнѣ во множествѣ. Власть-же верховная была истинно *святыня*! Нигдѣ въ Архивахъ Московскихъ и здѣшнихъ, не встрѣтилъ я ниже слѣда непослу-

(*) Официальный рапортъ это доказываетъ. (См. прибавленія къ сей статьѣ въ отдѣлѣ Смѣси.) Отецъ одного изъ почтеннѣйшихъ нашихъ купцовъ, С. Θ. Карпова, сказывалъ мнѣ, что онъ покупалъ овцу въ гуртахъ по 43 коп. мѣдью.

(**) Измѣненное славянское слово *монисто*: ожерелье. Въ Украинѣ оно обыкновенно состояло изъ алыхъ коралловъ, иногда весьма значительной цѣны, которые переходили въ наследство отъ матерей къ дочерямъ и внукамъ.

шанія или ропота, такъ-же и значительныхъ жалобъ на Начальство. Всякую перемену принимали въ глубинѣ сердца за отеческое намѣреніе *улучшить* быть народный.

Вотъ почему учрежденіе Слободско-Украинской губерніи въ 1765 году никого не изумило: напротивъ, принято большинствомъ народа всѣхъ званій за благодѣяніе.

Губернаторское управленіе попечительнаго Щербинина во многомъ довершило то, что начали Школы Коллегіума Голицыныхъ. Въ шестидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, впервые показались въ домахъ, а потомъ и въ училищахъ, языки Французской и нѣмецкій: т. е. присоединены къ поддерживаемому Князьями Голицыными Коллегіуму классы сихъ языковъ, равно какъ Математики и другихъ наукъ. Но они, въ послѣдствіи, были отдѣлены и переведены въ особый домъ, купленный у Полковника Тивьяшева.

Коллегіумъ остался въ бывшемъ каменномъ домѣ, первоначальномъ изъ каменныхъ домовъ въ Харьковѣ, Шидловскаго. Сіе-то отдѣленіе, подъ простымъ названіемъ *классъ* существовало до открытія Губернскаго народнаго училища Екатерины Великой. Впрочемъ, что въ Коллегіумѣ усердно занимались науками еще въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, тому нашелъ я доказательство въ письмѣ путешественника, Академіи наукъ Адьюнкта Юнкера, къ тогдашнему Президенту Академіи, Барону Корфу. Ученый этотъ хвалитъ просвѣщеніе Ректора и Префекта, и проситъ содѣйствовать ему къ доставленію, въ сходство желанія ихъ, физическихъ инструментовъ, именно: воздушнаго насоса и электрической машины. Я увѣренъ, что столь ранніе успѣхи въ Харьковѣ, Козацкомъ

Полковомъ городѣ, не болѣе, за сто лѣтъ и меньше не-
жели во сто лѣтъ отъ первоначальнаго его заселенія среди
пустынь, удивить читателей. Коллегіумъ воспиталъ мно-
гихъ Государственныхъ мужей, Архіереевъ, Губернаторовъ,
отличнѣйшихъ врачей и даже отличныхъ воиновъ; ибо
Дворянство въ немъ училось совмѣстно съ Духовенствомъ
(*). Правда, что большая часть даровитыхъ студентовъ
окончивали свое образованіе въ С. Петербургѣ, Москвѣ или
въ чужихъ краяхъ. Между учителями замѣтимъ *Сковороду*
и Протоіерея *Шванскаго*. Я имѣлъ еще честь въ моей
молодости видѣть сихъ почтенныхъ мужей, которые въ
свое время могли-бы занять мѣсто между Германскими
учеными наиболѣе уважаемыми.

Между тѣмъ явились и образованные помѣщики, хотя
въ весьма еще маломъ числѣ. Къ нимъ принадлежитъ
Александръ Александровичъ Палицынъ и творецъ—при
всѣхъ нынѣшнихъ успѣхахъ въ Литературѣ—незабвенной
Душеньки, Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ. Палицына
же одно стихотвореніе и одно письмо помѣщены въ семь
Сборникъ (**). Онъ имѣлъ вкусъ въ Архитектурѣ, которою
прилежно занимаясь, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ

(*) Эта-же идея: т. е. что первоначальное испытаніе и ученіе, въ про-
свѣщенномъ Государствѣ для всѣхъ классовъ народа необходимое,
должно быть общимъ, совмѣстнымъ; а въ послѣдствіи уже специаль-
нымъ, судя по потребностямъ *каждаго* званія—эта идея представ-
лена была въ 1802 году въ Проектъ Харьковскаго Дворянства объ
учрежденіи Университета. — См. Смѣсь.

(**) См. Смѣсь.

и множество селъ церковными и другими зданіями (*). Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ, Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, лучшему расположенію домовъ, украшенію ихъ приличными мебелями, къ заведенію библіотекъ и т. п. Ему обязаны мы большею частию началами Европейскаго быта въ Украйнѣ. Я помню еще, что дома помѣщиковъ, имѣвшихъ отъ 500 до 1000 душъ, были покрыты тростникомъ, что въ гостинныхъ стояли лавки, покрытыя коврами, что за столомъ служили дѣвки «въ бѣлыхъ сорочкахъ, пестрыхъ спидницяхъ и червонныхъ черевыхахъ», что главные паны въ Губернскомъ городѣ хаживали по улицамъ съ музыкой надвесель; какія заключались условія между богатыми помѣщиками и Нѣмцами учителями, не далѣе, какъ въ 1800 году, любопытные могутъ видѣть въ напечатанномъ здѣсь, *безъ малѣйшаго измѣненія*, списка контракта (**). Мы стремимся къ Европейской образованности на *крыльяхъ вѣтра*, можно сказать. *Все* соотвѣтствуетъ приращенію народонаселенія. Гдѣ за двѣсти лѣтъ были дикія степи и непроходимые лѣса, гдѣ за сто лѣтъ съ небольшимъ по переписямъ не нашлось болѣе двухъ сотъ семидесяти одной тысячи душъ, тамъ

(*) Портреты А. А. Палицына, Богдановича, Сковороды, сочинителя сей статьи, недавно скончавшагося, и другихъ лицъ, преимущественно содѣйствовавшихъ къ разпространенію просвѣщенія въ благословенной Украинѣ, будутъ помѣщены въ слѣдующихъ выпускахъ Молодика. Біографію Палицына предоставляемъ написать отличному дворянину, его наслѣднику въ имѣніи и добродѣтеляхъ, воспитанному имъ, котораго нѣсколько давнихъ писемъ изъ Италіи, помѣщено въ семъ сборникѣ.

См. Смѣсь.

(**) См. Смѣсь.

Издатель.

теперь до четырехъ миллионовъ обоюго пола (*). Гдѣ за сорокъ лѣтъ еще стояли утлыя хаты подѣ соломой, тамъ теперь дома въ три жилья, убранные съ Парижскимъ и Лондонскимъ изяществомъ. До открытія Университета, кто бы подумалъ, что въ Харьковѣ будетъ каменный, весьма благообразный театръ, пять Аптекъ, неуступающихъ столичнымъ, четыре Литографіи, двѣ Типографіи, — могли-бъ существовать еще двѣ

В. Каразинъ.

Харьковъ. 1842.

X

(*) Разумѣя въ томъ и другомъ случаѣ всѣ три губерніи, подчиненныя одному Генераль-Губернатору. См. Смѣсь.

ПЕРВЫЯ ВОЙНЫ

МАЛОРОССИЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

=

Жалкое зрѣлище представляла Польша въ концѣ XVI вѣка. Со смертію Баторія какъ будто судьба произнесла надъ нею приговоръ свой. Власть короля ослабѣвала, своевольные магнаты забыли всякія границы буйству; на сеймахъ не было ладу, въ судахъ правосудія, въ управленіи порядка, въ законахъ святости. Всѣ были недовольны, отъ короля до гайдука; но нигдѣ не было такъ худо, какъ на Украинѣ. Старинныя княжескія и боярскія фамиліи негодовали на потерю своей литовско-русской самостоятельности, жалѣли о соединеніи великаго княжества съ королевствомъ, страшились за Вѣру; простой народъ до крайности былъ измученъ помѣщиками, а пуще жидами *орандарями*, которыхъ притѣсненія тѣмъ были несноснѣе, что и суда негдѣ было искать; къ тому еще буйное *жолитрство* пировало себѣ на счетъ ободранныхъ мужиковъ и, зимуя по деревнямъ, безнаказанно буйствовало. Духовенство роптало на стѣсненіе Церкви, на обиды отъ пановъ и урядниковъ, на оскорбленія отъ ксензовъ. Досталось и козакамъ на ихъ долю: запретили выходить въ походъ безъ воли Короннаго Гетмана, начали употреблять

ихъ на работы. Вѣтъ было худо, но не вѣтъ равно думали, какъ помочь горю. На примѣръ, дворянство: тѣ, которые не забыли говорить по своему, и чувствовали, что они Русскіе, хотѣли какъ нибудь уладить съ Поляками мирно: на сеймахъ, депутаціями и убѣжденіями. Но Польша умѣла ихъ проводить: дадутъ привиллегію на какія-нибудь права и вольности, да вслѣдъ за тѣмъ и пошлютъ нарушать ихъ; самъ же Король отговаривается, что все дѣлается противъ его воли, что онъ далъ привиллегію—и правъ. Духовенство еще хуже думало помочь своему горю. Безсильные мужики тайкомъ шептали: ахъ, если бы кто нибудь вступился за нихъ и *вызволилъ* изъ подъ этаго ярма! А Казаки такъ говорили во всеуслышаніе: пришла пора посчитаться съ Ляхами; коли наши права *руйнуютъ*, коли православную вѣру *вражаютъ*, такъ дадимъ же мы имъ!—Умные Казаки напередъ знали, что лаской и покорностью съ Поляками имъ ничего не выиграть и потому рѣшились посчитаться мечами и копьями.

Первое непріятельское дѣйствіе противъ Поляковъ, принятое съ цѣлію освобожденія отъ польскаго ига, оказали Казаки въ 1594 году подъ начальствомъ гетмана Криштопа Косинскаго. Этотъ Косинскій былъ шляхтичъ изъ Полесья, Полякъ родомъ и вѣрою. Не ужившись на родинѣ, онъ покинулъ ее, и вскорѣ явился въ Украинѣ. Въ тотъ вѣкъ такъ было: если человѣку худо на свѣтѣ, нѣтъ ни въ чемъ *удачи*,—иди онъ въ монастырь, или въ Сичь: въ монастырь онъ скроется отъ людей, въ Сичь будетъ бить ихъ. Такъ и Косинскій: пришелъ въ Сичь, принявъ православную Вѣру, а можетъ быть сказалъ, что принялъ ее, и сталъ Козакомъ. Козаку не долго подняться

вверхъ, особенно умному и храброму; Косинскій ходилъ въ Крымъ, на Дунай, воевалъ съ Татарами и Турками, пріобрѣлъ между товарищами славу и въ скоромъ времени сталъ Гетманомъ, на зло своимъ соотечественникамъ Полякамъ. Косинскій былъ первый Гетманъ, избранный вольными голосами, безъ позволенія Поляковъ, и первый сталъ доказывать значеніе своего сана. Запрещено воевать съ Татарами—Косинскій не только билъ нехристей, но еще сносился съ Московскимъ царемъ Θεодоромъ Іоанновичемъ и вызывался помогать ему въ войнахъ съ Крымцами. Но что важнѣе всего, Косинскій задумалъ освободить Украину отъ Польши, хотѣлъ быть на самомъ дѣлѣ независимымъ гетманомъ. Много молодцевъ раздѣляло съ нимъ эту мысль, а славнѣе всѣхъ его сподвижниковъ былъ Иванъ Лобода, Полковникъ Переяславскій. Козакъ душею и тѣломъ, исполнскаго росту, мужественнаго вида, страшный гуляка на пирахъ, отважный и бѣшеный рубака въ сѣчахъ—Лобода уже ни разъ задавалъ бѣды Татарамъ, усѣвалъ широкія степи буджацскими трупами; знали его и въ Молдавіи, и Валахіи, и по тотъ бокъ моря, — имя Лободы гремѣло въ народныхъ пѣсняхъ и разсказахъ. Но всѣ прежніе подвиги ему теперь нипочемъ. Поляки утѣсняють права козацкія, а Лобода воленъ какъ птица, родился на степяхъ, не зналъ никогда господина и знать его не хочетъ; Поляки утѣсняють православіе—а Лобода душу готовъ положить за малѣйшее оскорбленіе его святости. Услышавши о предпріятіи Косинскаго, онъ въ скоромъ времени явился на той сторонѣ Днѣпра съ огромною дружиною, набранною около Переяславля, Кіева, Лубенъ и другихъ мѣстъ; большую часть ея составляли тѣ несчаст-

ные рабы, которых польская тиранія заставляла поки-
дать женъ и дѣтей и искать въ лѣсахъ и степяхъ сво-
боды и мщенія. Войско козацкое стало подъ Тарнополемъ.
Съ каждымъ днемъ приходили къ нему новые отряды, и
уже число подчиненныхъ Косинскаго простиралось за 7000;
но Косинскій еще ничего не предпринималъ: онъ сражался
не изъ добычи, а для освобожденія Украины, и зналъ,
что въ такомъ великомъ предпріятіи надлежитъ дѣйстви-
тельно, собравшись съ силами.

Косинскій зналъ, что князь Острожскій, знаменитый
вельможа, сенаторъ, воевода кievскій, пышный и тщес-
ливый до того, что платилъ 70000 р. воеводѣ, чтобъ тотъ
стоялъ предъ нимъ разъ въ годъ, благотворительный
до того, что содержалъ 2000 бѣдныхъ дворянъ, — былъ
Русскій по душѣ и по крови, потомокъ Св. Владиміра, и
до того приверженъ къ православію, что каждый годъ въ
первую и страстную недѣлю В. Поста ходилъ въ ру-
бище, изнурялъ себя голодомъ и подвигами въ стѣнахъ
Дубенскаго монастыря. Къ нему-то послалъ Косинскій
пословъ просить помощи, надѣясь, что князь взвѣситъ
правоту его дѣла и приметъ участіе въ освобожденіи Руси.
Острожскій, вѣроятно довольный лестью гетьманскихъ
пословъ, обошелся съ ними ласково, но не согласился на
предложеніе Косинскаго. Козацкій предводитель хотѣлъ
сильно заставить князя участвовать въ освобожденіи
отечества, вторгся во владѣнія Острожскаго, началъ на-
бирать его подданныхъ въ свои ряды, непослушныхъ
вызывалъ и угрожалъ князю. Острожскій устранился,
собралъ подчиненную себѣ шляхту; сосѣдніе паны присла-

ли ему помощь въ людяхъ; а сынъ его Янушъ, заклятый папистъ, привелъ изъ Волыни отличныхъ копейщиковъ или гусаръ. Войско польское, неизвестно какъ велико, двинулось противъ козаковъ. Косинскій между тѣмъ разослалъ прокламацію по всей Украинѣ, призывая народъ къ возстанію; а самъ выступилъ изъ Тарнополя, подошелъ къ Пяткову и окопался. Сила Острожскаго казалась ему ничтожною. Чтобы не терять времени, онъ отрядилъ Лободу съ значительнымъ количествомъ козаковъ въ сосѣднія мѣста набирать ополченія, заготавливаясь на-далѣе, а самъ думалъ съ остаткомъ прогнать Острожскаго.

Оплошность и самонадѣянность Косинскаго допустила Острожанъ приблизиться къ окопамъ: началась перестрѣлка. Можетъ быть, несогласія въ козацкомъ войскѣ, можетъ быть, неожиданная тактика противниковъ, а можетъ быть что-нибудь другое, непереданное намъ лѣтописями, перемѣнило судьбу сраженія въ пользу Острожскихъ, которымъ въ началъ грозило разбитіе. Какъ бы то ни-было, но Янушъ съ своими гусарами такъ ловко ударилъ на козаковъ, что тѣ никакъ не могли удержать напора ихъ длинныхъ копій; бились-бились, хотѣли вырваться изъ окоповъ — имъ не дали; 3000 легло на мѣсть.... вдругъ появилось войско Лободы — Острожане отступили (*). Косинскій хотѣлъ поправить свою ошибку, и въ самомъ дѣлѣ уже по всей Украинѣ поднималъ мятежъ, пользуясь благоприятнымъ временемъ; потому что польское войско было за-

(*) Лубенскій говоритъ, что будто Косинскій отдался въ плѣнъ и князь простилъ его. Это принадлежитъ къ такимъ же вѣроятнымъ сказаніямъ, какъ и то, что будто у Острожскаго было всего на-всего 500 человекъ (!!).

нято; надѣялся дѣйствовать осторожнѣе и благоразумнѣе; надѣялся многого—вдругъ лазутчики внезапно схватили его...

Каковъ былъ конецъ Косинскому, объ этомъ лѣтописи говорятъ разнo. Но вообще всѣ согласны въ томъ, что онъ погибъ насильственною смертію.

Косинскаго не стало; но во всѣхъ концахъ южной Руси начались мятежи. Появились гайдамаки—смѣсь пришлецовъ со всѣхъ сторонъ свѣта съ Украинцами, которыхъ польское самовластіе вывело изъ терпѣнія; по городамъ и деревнямъ убивали Жидовъ и Поляковъ; въ Кіевѣ разорили католическій монастырь; въ Переяславлѣ Лобода отправилъ кровавую тризну надъ падшими подъ Пятковымъ. Крестьяне бунтовали противъ польскихъ помѣщиковъ и заставляли многихъ оставлять свои имѣнія и бѣжать къ трону Сигизмунда испрашивать защиты.

Но Сигизмундъ былъ тогда въ Штокгольмѣ. Враги Польши, пользуясь временемъ, принялись вредить ей. Изъ внутреннихъ враговъ опаснѣе былъ Лобода: онъ неутомимо раздувалъ въ Украинѣ пламя возстанія, и уже слава его дошла до нѣмецкаго императора. Рудольфъ вздумалъ употребить этаго человека въ свою пользу и послалъ къ нему хоругвь, дары и деньги, прося рыцарей-козаковъ разорить юрьевскую ярмарку. Императоръ имѣлъ здѣсь двѣ цѣли: во первыхъ повредить Польшѣ, потому что Турки не оставятъ разбоя этаго безъ наказанія; во вторыхъ отклонить отъ себя силу невѣрныхъ, по крайней мѣрѣ раздѣлить ее. Лобода обрадовался такому предложенію: если онъ сдѣлаетъ набѣгъ на турецкія владѣнія, Турки нахлынутъ на Польшу. Къ Лободѣ присталъ еще какой-то Хлопицкій, жившій нѣкогда при дворѣ Стеф. Баторія. Съ

3000 козаковъ отправились они въ походъ, дошли до Бѣлграда; отъ него недалеко лежало и мѣстечко Юрьево. Въ самое то время была ярмарка, знаменитая и великолѣпная въ томъ вѣкѣ. Козаки неожиданно напали на Юрьево, обратили его въ пепель, грабили, опустошили ярмарку и возвратились съ богатою добычею. Вскорѣ Хлопицкій былъ пойманъ, но убѣжалъ снова, и скрылся въ Германію.

Рудольфъ нѣсколько ошибся въ расчетахъ; Лобода остался съ лучшимъ выигрышемъ. Турки, понимая дѣло такъ, что австрійскій дворъ научаетъ Польшу вредить имъ, послали въ Венгрію войско, которое, встрѣтивъ сначала сопротивленіе въ Мансфельдѣ, послѣ того разбило на голову австрійское войско подъ начальствомъ эрцгерцога Матѳея. Немного утѣшенія римскому цезарю.

Гораздо болѣе утѣшенія козацкому Полковнику. Орда Татарская явилась въ Молдавію, а оттуда поворотила на Покутье: Енятинъ, Закусъ, Глумачъ обращены въ пепель; немногочисленные отряды подъ начальствомъ Потоцкаго и Влодека не могли остановить ихъ; Татары разорили Тышмѣнцу и Коложу и разсѣялись по Червонной Руси; все жгли, истребляли, умерщвляли людей, вопреки обыкновенному своему обычаю забирать въ плѣнь, и только щадили женщинъ и дѣвушекъ. Чермная Русь покрылась кровью и пепломъ. И теперь еще нельзя безъ состраданія читать народныхъ пѣсень того времени, гдѣ описывается, какъ плѣнныя дѣвушки бѣжали босикомъ по песку и камнямъ, съ веревками на шеяхъ, жалуясь, что ихъ русыя косы уже не расчесываетъ мать, а растрепываетъ Татаринъ бичемъ.

Сигизмунда еще не было. Каницлеръ Замойскій, управ-

явившій въ отсутствіе его королевствомъ, одинъ изъ величайшихъ мужей своей націи, послалъ прокламацію къ сенаторамъ и панамъ, представляя, что Речи Посполитой угрожаетъ опасность, и умолялъ ихъ собрать свои войска и спѣшить на защиту отечества. Иные читали прокламацію и хвалили, другіе притворялись, будто за отдаленностію мѣста не получили ее; Великополяне и Поморяне, зная, что до нихъ Татарамъ далеко, говорили, что если имъ нѣтъ опасности, то зачѣмъ они и пойдутъ.

Замойскій издалъ новую прокламацію, подъ назв: *de publica negligentia*, въ которой черными красками изобразилъ польскую шляхту. Но и это не помогло. А между тѣмъ Татары подвигались далѣе и далѣе: уже Покутье и часть Чермной Руси опустошили до крайней степени; уже проникли въ Волинь, разливая пламя и засывая трупами равнины украинскія, а Поляки все были хладнокровны къ бѣдѣ соотечественниковъ. Только тѣ паны, у которыхъ на югъ были имѣнія, собрали отряды, и то уже тогда, когда имъ грозила видимая опасность. Такимъ образомъ, Янушъ, Князь Збаражскій и Юрій Мнишехъ, воевода Сандомирскій, соединились съ Замойскимъ подъ Самборомъ и перерѣзали дорогу варварамъ. Татары отступили. Замойскій искусно прогналъ ихъ въ Венгерскую землю и наконецъ очистилъ Русь отъ злодѣевъ.

Украинцы, потерпѣвшіе отъ Татаръ, оставшіеся безъ хлѣба, безъ пристанища, жаловались на судьбу, роптали на Польское правительство, требовали вспомоствованія, и не получая его ниоткуда, неистовствовали. Къ большому огорченію разоренныхъ, къ большому страху тѣхъ, до которыхъ не достигло разореніе, разносился слухъ, что

Татары снова хотять ворваться въ Королевство. Но вотъ прѣхалъ и Король; собрали сеймъ, положили предпринять мѣры противъ татарскихъ набѣговъ; а нѣкто Язловскій намѣревался проникнуть въ Крымъ и послать просить участія козаковъ, надѣясь, что жажда добычи увлечетъ ихъ.

Худо понимали Ляхи козаковъ: Лобода посмѣялся, помянулъ ихъ обѣщаніемъ и отправился вмѣсто Крыма въ Молдавію, гдѣ ограбилъ и разорилъ Яссы. Посланные противъ него польскіе отряды были разбиты козаками подъ Ямполемъ. Козаки разсыялись по Волынѣ, Подоли, Чермной Руси; къ нимъ присоединились разоренные Татарами, бездомные и сирые, гонимые за вѣру, всякаго рода удалцы, недовольные осѣдлою жизнію. Пламя обхватило всю Украину. Козаки брали города, и жители принимали ихъ, какъ избавителей: вырѣзывали гарнизоны, вѣшали и топили Жидовъ ко всѣмъ прежнимъ причинамъ неудовольствій присоединилась еще новая важнѣйшая: тогда уже распространялась Унія и отдавались на поруганіе православныя церкви.

Между тѣмъ Польшѣ грозила внѣшняя опасность: Седмиградскій князь Баторій покусился овладѣть Молдавіею, но былъ прогнанъ Турками; и Султанъ положилъ обратить Молдавію въ турецкую провинцію. Замойскій предвидѣлъ, что если Турки раздвинутъ свои владѣнія по Днѣстръ, тогда у Польши подъ бокомъ будетъ злой врагъ, всякій часъ готовый нанести ей опустошеніе. Чтобы предупредить такое бѣдствіе, надобно было не допустить Турковъ овладѣть Молдавіею; и вотъ Замойскій отправился въ эту страну, и возвелъ на престолъ князя Іеремію Могилу, обя-

завишагося быть въ послушаніи у польской Короны. Но во время блестящихъ успѣховъ войскъ польскихъ въ Молдавіи, Лобода съ пятью полками козаковъ выступилъ противъ высланныхъ на него Поляковъ и разбилъ ихъ. Сраженіе произошло у Пяткова, на томъ самомъ полѣ, гдѣ легли воины Косинскаго. Оттуда Лобода ушелъ на Днѣпръ, собралъ на Бугаевской радѣ старшинъ; — положили избрать гетьмана.

Между предводителями гайдамацкихъ шаекъ, бродившихъ по южной Руси, славился больше всѣхъ одинъ, по имени Павло Наливайко. Родитель его былъ купцемъ въ Острогъ; старшій братъ служилъ въ замкѣ князя Константина Острожскаго протопопомъ, — меньшей занимался пушною торговлею; Наливайко полюбилъ козачество и войну. У него подъ начальствомъ было многочисленное войско, составленное изъ разнаго рода несчастныхъ, обиженныхъ неустройствами и притѣсненіями, и пришлецовъ, которые, не уживаясь на родинѣ, искали убѣжища въ степяхъ Украины.

Наливайко ходилъ въ Седмиградскую область, сносился съ эрц-герцогомъ Максимиліаномъ, и на возвратномъ пути чрезъ Галицію предавалъ огню и мечу враговъ православія и козачества. Его-то избрали козаки гетьманомъ, съ уговоромъ, что бы онъ слушался рады, коей первыми членами были Лобода, Овара полковникъ Гадяцкій и хорунжій Шашка. Горько было Лободѣ: ему, бывшему столько лѣтъ представителемъ козачества, предпочли новичка. Но Лобода скрѣпилъ сердце и хотя выказалъ сильное огорченіе и удалился съ своею дружиною, однако не запятналъ себя непріязненными дѣйствіями. Отправясь съ хо-

ружикомъ Саулою въ Кіевское воеводство и Малороссію по сю сторону Днѣпра, онъ очипцалъ этотъ край отъ польской шляхты, занималъ города, ежедневно увеличивая свои ряды бѣглыми, особенно отъ князей Острожскихъ и Вишневицкихъ. Вскорѣ Саула отправился въ Бѣлоруссію.

Прочія козацкія дружины разсѣялись по Волинѣ, Подоль, Покуть, разорили Самборъ, Луцкъ, Брацлавъ, Могилевъ на Днѣстрѣ; королевскіе и панскіе замки были превращаемы въ пепелъ; козаки налетали на безпечныхъ пановъ и истребляли ихъ среди веселости, танцевъ и забавъ. Прежде богатые и сильные магнаты теперь являлись въ Польшу бѣдными бѣглецами, лишенные всего, счастливые и тѣмъ, что удалось спасти жизнь. Радостная вѣсть освобожденія распространилась по Руси: Волинѣ и Бѣлоруссіи поднимались. Наливайко направилъ туда свой походъ. Прошедши нынѣшнюю Минскую губернію, онъ достигъ Могилева на Днѣпрѣ, осадилъ его и требовалъ сдачи города. Могилевъ былъ почти исключительно наполненъ Поляками и Уніатами, которые рѣшились обороняться. Козаки пошли на приступъ; гарнизонъ польскій не выдержалъ натиска и погибъ въ сѣчѣ; Жида и Уніаты перерѣзаны и перетоплены; Могилевъ сгорѣлъ до послѣдней избы, городъ богатый и славный своими мануфактурами и торговлею. Только обгорѣлые пни и колоды возвѣщали о горѣ, постигшемъ ляхское племя; только орлы и змѣи, потѣшаясь богатствомъ яствъ, объѣдались вражьиими тѣлами. Но не одинъ Могилевъ — и другіе города испытали подобную участь, — всюду разлилось возмущеніе, вездѣ производились пожары и убійства: дымъ и паръ донеслись до польскаго двора. Посланъ былъ гонецъ

въ Молдавію, съ предписаніемъ Гетьману Жолкѣвскому немедленно возвратиться въ Русь для усмиренія мятежниковъ.

Наливайко, раздѣлавшись съ бѣлорусскими Жидами и Уніатами, опять кружилъ по Подоли и Покутьѣ, вѣроятно набирая новыхъ охотниковъ. Тамъ онъ слышалъ о приближеніи Жолкѣвскаго. Это было въ февраль 1596 года. Польская армія была въ незавидномъ положеніи: изнуренная походами, не успѣвъ отдохнуть на постояхъ, она должна была еще терпѣть отъ жестокой зимы, бывшей въ томъ году. Наливайко не хотѣлъ вступитъ съ Поляками въ сраженіе, а принималъ иную тактику: думалъ изнурить еще болѣе непріятеля и заставлялъ Жолкѣвскаго по цѣлымъ днямъ и ночамъ гнаться за козаками, а самъ бросался во всѣ стороны. Такъ, допустивъ къ себѣ Поляковъ въ Лабуніовичахъ, сей часъ ушелъ къ Острополю. Не успѣлъ гетьманъ съ своими изнуренными солдатами дотащиться до этого города — уже Наливайко съ своими залетными козаками шелъ по дорогѣ къ Пикову. Только арьергардъ малороссійскій, занявъ селеніе Мацейовичи, безпечно предавался пьянству. Ночью неожиданно напали на нихъ Поляки, требовали сдачи; козаки рѣшились драться, но спяна ничего не могли сдѣлать. Жолкѣвскій зажегъ деревню; козаки были истреблены, иные взяты въ плѣнъ.

Между тѣмъ Наливайко прибылъ въ Пиковъ. Жолкѣвскій за нимъ гнался и остановился въ Острополь: войско не могло далѣе идти; притомъ же и лошади, искалѣчивъ себѣ ноги по снѣгу и гололедицѣ, требовали хоть сколько нибудь отдыха и корма. Переночевавъ въ Острополь, Поляки рано утромъ выступили, дошли до Пикова, и Жолкѣвскій къ сильной досадѣ узналъ, что Наливайко назадъ

тому пять часовъ пошелъ по брацлавской дорогѣ. Во что бы то ни-стало, Жолкъвскій рѣшился догнать его и усиленнымъ маршемъ думалъ перерѣзать ему дорогу. Цѣлую ночь, цѣлый день послѣ того шли Поляки безъ отдыха и къ вечеру дошли въ селеніе Домбровку, на рѣчкѣ Ольшанкѣ. Люди и лошади пропадали не ѣвши; войско рѣшительно было неспособно къ битвѣ. Козаки повернули съ брацлавской дороги на другую, почти въ виду неприятеля, который гонится за ними, догоняетъ, — и ничего не можетъ сдѣлать. Рано утромъ образумился Жолкъвскій, но узнавъ отъ схваченныхъ козаковъ, что ихъ предводитель перешелъ рѣку Собъ и пустился по дикой уманской степи.

Что думалъ Наливайко? Почему не вступилъ въ сраженіе при Ольшанкѣ? Можетъ быть, зная горячность Жолкъвскаго, Наливайко надѣялся, что онъ и туда за нимъ погонится: въ такомъ случаѣ вѣрный успѣхъ былъ бы на сторонѣ Малороссіянъ. Что могло сдѣлать въ безлюдной степи, зимою, безъ всякаго продовольствія, польское войско, истощенное уже и безъ того до крайности длинными и бесполезными походами? Козакамъ степь и всѣ лишенія ничо чемъ — степь была имъ довольно извѣстна; Полякамъ же, изнуреннымъ переходами отъ деревни до деревни, начать переходы изъ яра въ яръ, изъ дебри въ дебрь — значило идти на явную гибель. Тамъ бы не медлилъ Наливайко, не избѣгалъ бы сраженія, а принудилъ по неволѣ Поляковъ биться; и едва ли бы самъ Жолкъвскій не остался на снѣгахъ, безъ погребенія, добычею хищныхъ звѣрей! Никто изъ козаковъ не проникъ хитраго намѣренія вожда: онъ со всею малороссійскою скрытностію хранилъ его въ

глубинѣ души своей; его подчиненные имѣли къ нему полную вѣру и простодушно говорили: Тільки Богъ свѣтъ знае, що Наливайко думае-гадае!

Однако при всей хитрой тактикѣ, при всемъ умѣньи скрывать свои намѣренія, прикидываясь въ глазахъ Поляковъ трусомъ, показывая видъ, будто, не смотря на значительное количество своего войска, онъ не смѣетъ вступить въ сраженіе, и тѣмъ возбуждая во врагахъ самонадѣянность, Наливайку не удалось. Наливайко хитрилъ и перехитрилъ. Жолкѣвскій не рѣшился слѣдовать въ снѣговыя степи, и размѣстилъ свое войско по деревнямъ, лежащимъ на границѣ степи, распустилъ слухъ, что скоро выступитъ, отдыхалъ и дожидался свѣжихъ силъ.

Такъ стояли нѣсколько недѣль два непріятельскія войска, раздѣленные снѣгами и дебрями. Положеніе наливайкова войска было пренесносное. Козаки расположились на той сторонѣ рѣки Чорни-Воды, питались конскимъ мясомъ, а лошадей кормили прутьями. Предводитель, опасаясь за жизнь свою, (потому что между козаками начинался ропотъ), искалъ средствъ, какъ бы выйти изъ степи и послалъ двухъ гонцевъ: одного къ Струсю, брацлавскому старостѣ, съ прошеніемъ помирить его съ Жолкѣвскимъ, надѣясь тѣмъ выиграть время и соединиться съ Лободою; а другого послалъ къ Лободѣ, прося соединиться съ нимъ и забыть старыя неудовольствія. Жолкѣвскій, не получая до тѣхъ поръ подкрѣпленій, желалъ прекратить войну; но проникая хитрыя намѣренія Наливайка, не принявъ его предложенія, а послалъ къ Лободѣ, какъ истинному козаку, а не атаману гайдамацкой шайки, обѣщая ему королевскую милость и прощеніе въ случаѣ покорности.

Лобода, въ то время, какъ Жолкъвскій гнался за Наливайкомъ, грабилъ Баръ и его окрестности съ 700 козаковъ и отсюда пришелъ въ Бѣлую-Церковь. Тамъ онъ встрѣтилъ гонцевъ отъ Жолкъвскаго и Наливайка. Съ Наливайкомъ нечего было постановлять условій, потому что Лобода и не думалъ ему вредить; а что касается до гонца Жолкъвскаго, то, по опредѣленію рады, онъ былъ отправленъ безъ отвѣта. Козаки подъ начальствомъ Саулы соединились съ войскомъ Лободы, и все ополченіе отступило къ Кіеву.

Между-тѣмъ на помощь Жолкъвскому, который уже стоялъ въ Пиковѣ, шелъ князь Рожинскій съ свѣжимъ отрядомъ и получилъ отъ него на дорогѣ предписаніе остановиться въ Паволочѣ, городѣ важномъ по своему положенію и укрѣпленномъ самою природою. Рожинскій, собравши около себя разоренныхъ украинскихъ пановъ, ловилъ козаковъ и умерщвлялъ. Дошла молва до Кіева. Собрана рада: послали Шашку съ 3000 разорять имѣнія Рожинскаго; самъ же Лобода отправился въ Переяславль, а въ Черкасахъ былъ уже и Наливайко. Шашка сталъ въ Хвастовѣ и послалъ осведомиться о силѣ непріятеля 300 человекъ передней стражи. Рожинскій не утерпѣлъ, не выполнилъ повелѣнія гетьмана, выскочилъ изъ Паволочи и разбилъ стражу. Шашка побѣжалъ назадъ, можетъ быть думая, что у Рожинскаго много войска, а можетъ быть и довольный тѣмъ, что выгналъ его изъ Паволочи. Вслѣдъ за тѣмъ 8000 козаковъ подвинулось къ Бѣлой-Церкви.

Рожинскій не пошелъ уже назадъ въ Паволочѣ, хотя, какъ увѣряють, у него было войска не болѣе тысячи; но спѣшилъ занять Бѣлую-Церковь. По мнѣнію Поляковъ,

ему следовало бы запереться въ Бѣлоцерковской крѣпости и ожидать тамъ Жолѣвскаго; но Рожинскій не любилъ медлить.

Вечеромъ 2 апрѣля, Савула съ авангардомъ расположился таборомъ около Бѣлой-Церкви. Рожинскій намѣревался ночью сдѣлать вылазку и напасть неожиданно на козацкій таборъ. Наливайко съ 3000 козаковъ думалъ ночью устремиться на городъ и крѣпость и перебить сонныхъ Поляковъ. Ночь была темная и ненастная. Рожинскій вышелъ съ Поляками изъ города, а Наливайко съ козаками вошелъ въ городъ въ отворенныя ворота. Враги не rozpoзнали одни другихъ, по причинѣ чрезвычайной темноты. Поляки, идучи на звуки трубъ и отклики вождей, при помощи факеловъ, дошли до табора; Рожинскій велѣлъ ударить изъ пушекъ, — козаки встрепенулись, таборъ снялся. Поляки, думая, что враги обратились въ бѣгство, пустились въ погоню, стрѣляя и махая саблями; но Савула, сдѣлавши движеніе къ рѣкѣ Рудавкѣ, возвратился на прежнее мѣсто. Наливайко, принявшись было грабить беззащитный городъ и умерщвлять испуганныхъ козаковъ, услышалъ выстрѣлы, бросилъ грабежъ и поспѣшилъ на помощь Савулѣ. Поляки долго искали козаковъ и Рожинскій велѣлъ поворотить къ взятому, какъ думалъ, козацкому обозу, какъ вотъ начала заниматься заря, — яснѣе, яснѣе — и Рожинскій увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ козаками. Бой былъ неравный.

Только храбрости Рожинскій одолженъ спасеніемъ жизни своей и сохраненіемъ горсти пѣхоты. Сомкнувшись тѣсною стѣною, предводимые имъ Поляки прорвались сквозь ряды козаковъ и ушли въ крѣпость, гдѣ поспѣшно заперлись.

Множество было побито. Вообще спасеніе это не дешево обошлось Рожинскому.

Козаки принялись тотчасъ за осаду Бѣлой-Церкви. Но между тѣмъ Жолкъвскій, стоя въ Трилесьѣ, въ трехъ миляхъ отъ Бѣлой-Церкви, слышалъ звукъ орудій, узналъ отъ схваченныхъ козаковъ о пораженіи Рожинскаго и поспѣшилъ къ нему на помощь. Козаки, завидѣвши съ высокихъ кургановъ польское войско, сняли осаду и поспѣшно отступили. Жолкъвскій приходитъ на поле сраженія — и видитъ груды убитыхъ. Грустно стало ему. Но послѣдовать за козаками тотчасъ онъ не рѣшился, не приведши въ порядокъ своего войска и не усиливши его новыми отрядами. И по тому началъ устроить свои ряды такимъ образомъ: поставилъ четверугольникомъ шестнадцать рядовъ пѣхоты, — въ срединѣ стояли возы; въ углахъ и концахъ 24 полевыхъ орудія; конница расположена была частію напереди, частію по бокамъ, частію сзади. Въ такомъ видѣ, подкрѣпившись новыми силами, выступили Поляки.

Козаки, которыхъ число безпрестанно увеличивалось, расположились по разнымъ мѣстамъ. Самъ Наливайко съ большимъ количествомъ войска отодвинулся къ Чигирину; съ нимъ были дружины Лободы и Овары, всего 20000 войска, исключая гайдамаковъ, изъ которыхъ многіе пошли по Украинѣ, но многіе остались при главномъ обозѣ. Атаманъ Тетеря съ сыномъ заняли Каневъ; Шашка былъ на переди и первый встрѣтилъ Жолкъвскаго. Завязалась битва жестокая, кровавая. Какъ ни искусно были устроены Поляки, однако ихъ гусары ничего не могли сдѣлать козацкому табору. Много дворянъ польскихъ пало въ бою;

потеря по числу вонновъ была для Поляковъ очень чувствительна. Козаки удержали за собою поле; но лишились въ свою очередь Шанки, вождя храбраго и умнаго. Жолкъвскій повернулъ къ Каневу. Козаки не слушались стараго своего атамана, говорившаго имъ: «глядѣть, не була-бъ потеря», и заставили его выйти на сраженіе. Поляки разбили ихъ; а самаго Тетерю взяли въ плѣнь и продали Туркамъ. Жолкъвскій разорилъ многія козацкія населенія, разбилъ еще нѣсколько разъ ихъ отряды и двинулся къ Чигирину, гдѣ стояло генеральное войско. Походъ этотъ былъ довольно медленъ; разосланные для укрощенія козаковъ отряды собирались постепенно, не разомъ; внешнее половодье разломало мосты, и переправы стали неудобны не только чрезъ рѣки, но даже чрезъ большіе ручьи. Дошедши до Тясмина, Поляки стали, окопались, направили пушки и приготовились къ бою. Козацкое войско также изготвилось. Оно было раздѣлено на три отдѣла: центромъ начальствовалъ Наливайко, лѣвымъ крыломъ Лобода, правымъ Овара. Поляки, какъ-бы желая устрасить заранѣе непріятеля, выставили въ виду его три *хреста*: на двохъ висѣли тѣла двухъ козацкихъ предводителей — *Богуна и Соминѣ*, съ надписью: «Кага buntowców», третій оставался пустымъ, какъ будто еще кого-то не доставало. Козацкая рада велѣла выставить въ отвѣтъ Полякамъ хоругвь съ надписью: вірному Христіянству миромъ миръ; а Ляхамъ-ворогамъ пекельный пиръ; въ кого хрестъ — на того й хрестъ.

Началась битва и продолжалась семь часовъ. Поляки устремились на правое крыло Овары, отрѣзали его, смяли, — и самъ Овара лишился жизни. Но мужество другихъ

предводителей и храбрость козаков поправили первую оплошность и неудачу. Наливайко съ своимъ центромъ ударилъ стѣною на Поляковъ; вслѣдъ за тѣмъ Лобода выскочилъ изъ своего поста, и вспомоцествуемый свѣжимъ засаднымъ войскомъ, бросился на непріятеля съ другой стороны. Поляки смѣшались, разстроились и обратились въ бѣгство. Козаки гнали ихъ за ними, били, кололи, утопшихъ изъ рѣки вытаскивали и изрубивали: таково было ихъ ожесточеніе; попадавшихъ въ плѣнъ безчеловѣчно умерщвляли; просьбы и стоновы не слушали. Радовалась вся Украина, слыша, какъ на «*Чигринскій сичъ кравчина католикамъ похмѣлья задала!*»

Пристыженный Жолкъвскій убѣжалъ въ Бѣлую-Церковь, откуда разослалъ приказы о доставленіи новаго войска. Вскорѣ въ польскій станъ явилось множество охотниковъ, а изъ Молдавіи прибылъ съ значительными силами полоцкій староста Каменецкій. Козацкое войско напротивъ уменьшалось. Большая часть козаковъ разсѣялась снова по Украинѣ. Съ Наливайкомъ и Лободою осталось всего до 10,000. Жолкъвскій, зная, что въ Переяславѣ козаки оставили свои семейства, орудія и войсковую скарбницу, замыслилъ переправиться чрезъ Днѣпръ и напасть на Переяславъ. Молва объ этомъ дошла въ козацкій станъ. Наливайко и Лобода предупредили Жолкъвскаго; переправились за Днѣпръ; истребили за собою весь суда, и, услыша, что жители Кіева доставляютъ въ станъ лодки для переправы Полякамъ, которыхъ Жолкъвскій хотѣлъ вести въ погоню за козацкимъ войскомъ,—отправились наказать Кіевлянъ; но увидѣли на противоположномъ берегу Жолкъвскаго съ войскомъ подъ самымъ Печерскимъ монастыремъ. Новыя

запорожскія полчища, плывшія подъ Кіевъ на чайкахъ подъ начальствомъ атамана Подвысоцкаго, были разогнаны бурей и польскою артиллеріею, искусно поставленною на берегу. Жолкъвскій отрядилъ Потоцкаго въ Триполь съ препорученіемъ переправиться въ томъ мѣстѣ черезъ Днѣпръ и напасть на Переяславль; а самъ чрезъ лазутчиковъ пустилъ объ этомъ молву между козаками, желая какъ-нибудь ихъ отвлечь отъ берега, противоположнаго Кіевскому, гдѣ стоялъ самъ. Разставленная козаками по дорогѣ стража увидѣла на той сторонѣ Днѣпра воловъ и возы, наполненные лодками и заявила объ опасности предводителямъ. Безпокоясь за свои семейства, козаки снялись съ луга, гдѣ стояли, и поспѣшили къ Переяславлю. Этого-то Жолкъвскому и хотѣлось. Собравъ свои челны, онъ, тотчасъ, по слѣдамъ козаковъ, переправился за Днѣпръ и вскорѣ козаки узнали, что за ними идетъ сильное войско.

Что дѣлать? Запереться въ Переяславль — нельзя. Переяславская крѣпость очень ненадежна; козаки подвергаются опасности быть стѣсненными съ двухъ сторонъ: здѣсь войско Жолкъвскаго, на другой сторонѣ Днѣпра войско Потоцкаго; да и чѣмъ кормить лошадей, которыхъ было болѣе 10,000. Козаки разсудили лучше двинуться далѣе съ своими семействами и сокровищами, надѣясь, что если войско польское не погонится за нимъ, а пойдетъ назадъ, то они могутъ свободно напасть на него съ тылу; а если погонится, то хитрыми увертками его можно изнурить еще лучше, чѣмъ въ Заднѣпровьѣ, и нагнать на удобное мѣсто, гдѣ можно напомянуть Полякамъ чигиринское дѣло. Но Жолкъвскій проникнулъ ихъ планы и допустилъ выйти изъ Пере-

Часть III.

яславля. Забравши своихъ женъ, дѣтей и имѣнія, они думали перевести ихъ въ Лубны, мѣсто неприступное и твердое; но пришедши туда, не сломали за собою моста на Суль. Жолкѣвскій, соединившись съ Потоцкимъ, поспѣшилъ за ними къ Лубнамъ.

Войско польское остановилось въ Тохуцинѣ въ 20 миляхъ отъ Лубенъ, откуда коронный гетьманъ написалъ жителямъ этого города письмо, въ которомъ обѣщалъ имъ Королевскую милость, если они не сломаютъ моста и задержатъ козаковъ въ стѣнахъ своихъ.

Между-тѣмъ узналъ Жолкѣвскій, что въ мѣстечкѣ Горошинѣ Сула очень удобна для переправы и, располагая, чтобы во время нападенія на Лубны съ другой стороны стояло польское войско, послалъ туда старосту брацлавскаго Струся съ его отрядомъ. Струсь пошелъ прямо полемъ, не сказывая даже ничего и своимъ подчиненнымъ, и, пришедъ на мѣсто переправы, велѣлъ подѣлать изъ камыша плоты, изготовилъ маленькія лодочки, и такимъ образомъ переправился на другой берегъ. Между-тѣмъ войско польское усилилось нѣсколькими рядами литовской конницы, предводимой Богданомъ Огинскимъ подкоморіемъ троцкимъ, который встрѣтился съ Жолкѣвскимъ за 6 миль отъ Лубенъ. Поляки ускорили походъ; Жолкѣвскій отрядилъ авангардъ подъ начальствомъ Бѣлицкаго, который шелъ форсированнымъ маршемъ день и ночь, и наконецъ увидѣлъ на высокой горѣ крѣпость. Козаки, завидя приближающихся Поляковъ, бросились разламывать мостъ; но Бѣлицкій пустилъ на нихъ такую

тучу стрѣль и пуль, что они кончили свою работу, ушли изъ города и расположились за милю отъ рѣки Сулы на урочищѣ Солоницѣ. Бѣлицкій вошелъ въ городъ.

Тогда Струсь, выбравъ изъ своей конницы двухъ отборныхъ ѣздоковъ, послалъ къ гетману съ донесеніемъ о своемъ прибытіи, и просилъ, какъ скоро Жолкъвскій явится въ городъ, то чтобы пушечнымъ выстрѣломъ дать ему знать, когда броситься на непріятеля. Черезъ нѣсколько времени загрѣмѣла пушка—и Струсь выскочилъ изъ своей засады. Пыль встала отъ лошадиныхъ копытъ — козаки думали, что это Татары; но вскорѣ узнали свою ошибку и увидѣли себя окруженными спереди и сзади. Страхъ и замѣшательство всеми овладѣли; не знали, что дѣлать. Лобода, чтобы дать Радѣ время на что-нибудь рѣшиться, послалъ просить Струся дозволить начать переговоры. Струсь согласился, потому что еще Жолкъвскій не прибылъ къ Солоницѣ. Козаки долго спорили; одни говорили бѣжать въ степь, другіе представляли имъ неудобства побѣга и совѣтовали лучше оградиться окопами и защищаться. Больше всего беспокоили и мѣшали козакамъ женщины и дѣти: они боялись тащиться съ ними въ дикія степи. Последнее мнѣніе превозмогло, и козаки остались на мѣстѣ и укрѣплялись. Между-тѣмъ прибылъ и Жолкъвскій. Тогда Струсь не хотѣлъ слушать никакихъ уговоровъ, и Поляки окружили козаковъ такъ, что они лишились и воды и пастбищъ.

Четырнадцать дней длилась эта страшная осада, четырнадцать дней гремѣли пушки и звучали сабли; козаки доведены были до последней крайности, но сносили ее съ удивительнымъ присутствіемъ духа: безъ хлѣба, соли и воды,

питаясь вонючимъ лошадинымъ мясомъ, съ каждымъ днемъ теряя лучшій цвѣтъ своего юношества, безъ всякой надежды, они не только не думали сдаваться, но дрались храбро, мужественно и радовались тому, что и враги ихъ терпятъ: много уже молодыхъ дворянъ, потомковъ знаменитыхъ фамилій, легло на валу; сильно измучены были польское войско и предводители трудами и бдѣніемъ. Долго козаки терпѣли, — но терпѣнію пришелъ конецъ. Когда Жолкъвскій велѣлъ насыпать высокіе курганы и съ нихъ безпрестанно палили изъ пушекъ, и ядра ежеминутно убивали женъ и дѣтей въ глазахъ мужей и отцовъ: такія зрѣлища больше, чѣмъ всякія лишенія пищи, отняли у нихъ силу, храбрость, твердость: козакъ неукротимъ и грубъ на войнѣ, въ товариществѣ, но въ семействѣ онъ человѣкъ. Начался всеобщій ропотъ: всѣ обвиняли Наливайку и Лободу въ томъ, что они завели ихъ туда. Лобода, бывши столько лѣтъ идоломъ подчиненныхъ, идеаломъ козацкой жизни, подъ конецъ лишился довѣренности братьевъ и всей своей чести. Отъ него отняли начальство и на мѣсто его избрали Кремскаго. Новый предводитель предложилъ козацкой Радѣ сдаться Жолкъвскому, съ условіемъ забыть всѣ неудовольствія, бывшія между Поляками и Малороссіянами, и никого не казнить, кромѣ главныхъ зачинщиковъ. Ужъ невозможно было болѣе терпѣть: кучи гниющихъ человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ причинили въ козацкомъ станѣ заразу; пищи никакой не было. Надобно на что — нибудь рѣшиться: козаки сдались. На другой день Жолкъвскій заключилъ съ ними слѣдующія условія:

- 1.) Козаки могутъ разойтись по домамъ; но безъ воли

короля не должны собираться въ строи, выходить въ походы и избирать предводителей.

2.) Пушки, знамена, порохъ, военные запасы и скарбину должны отдать Жолкъвскому.

3.) Наливайка, Лободу съ другими предводителями—Мазеною и Кизимомъ, выдать.

Все было исполнено. Козаки вышли изъ своихъ окоповъ блѣдные и чахлые и повергли къ ногамъ Жолкъвскаго булаву гетьмана Наливайка, два богатыхъ знамени съ гербомъ нѣмецкаго императора, третье знамя съ гербомъ седмиградскимъ, серебрянныя литавры и трубы, дары Рудольфа и Максимилиана; тридцать одна пушка досталась побѣдителямъ. Наливайка и Лободу съ другими осужденными повезли окованныхъ цѣпами въ Варшаву, гдѣ засадили въ тюрьму. Патеръ Янчинскій рассказываетъ, что во время содержанія Наливайка въ темницѣ надъ головою его день и ночь стояли воины съ топорами; едва только онъ начиналъ засыпать, они тотчасъ пробуждали его обухомъ, и такъ мучили его разнымъ образомъ. О казни всѣхъ четырехъ предводителей говорятъ разнo. Янчинскій рассказываетъ, что Наливайка посадили верхомъ на раскаленнаго желѣзнаго коня и увѣнчали раскаленнымъ желѣзнымъ обручемъ. Конискій иначе повѣствуетъ объ ихъ казни, — съ нимъ сходно говорить и народная пѣсня: Наливайка, Лободу, Мазену и Кизима, при огромномъ стеченіи народа, бросили въ мѣднаго быка; этаго быка поджигали нѣсколько часовъ медленнымъ огнемъ, пока слышенъ былъ крикъ несчастныхъ; потомъ пламя охватило всю машину, и

когда потушили его и отворили мѣднаго быка, тѣмъ стра-
дальцевъ обратились въ пепелъ. (*)

Присудили Ляхи Наливайка

Уволу спалити;

Присудили усі козаченьки

Ляхамъ вѣдомстити.

Н. Кастомаровъ.

15 Декабря 1841. Харьковъ.

(*) При составленіи этого разсказа сочинитель руководствовался преимущественно Лубенскимъ, Ячвинскимъ, Нѣмцевичемъ, Малороссійскимъ лѣтописцемъ и народными пѣснями.